

The book cover features a textured teal background with splatters of brown and gold. A large, golden, cratered moon is positioned in the upper right, with a smaller, similar moon below it. A single, vibrant blue feather with a golden stem is oriented vertically in the center. The text is printed in a golden, serif font.

СБОРНИК ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ ЛАУРЕАТОВ
ЕЖЕГОДНОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ

НАСЛЕДИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА

Сборник Валерия Богданова Наследие литературы XXI века

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73780508
аследие литературы XXI века. Сборник прозы и поэзии лауреатов
ежегодной литературной премии: Четыре; СПб.; 2026*

Аннотация

Сборник «Наследие литературы XXI века» ежегодно представляет литературное творчество наших современников. Признанные мастера художественного слова формируют вкусы и интересы нынешних читателей, обращаются к актуальной тематике и вскрывают тайники прошлого, выписывают тонкие строки поэзии и увековечивают свои имена в прочной, незыблемой прозе.

Книга рекомендована всем любителям современной русскоязычной литературы.

Содержание

Роман Абубакер	7
Я свежесрезанный цветок	9
Рассвет	10
Город	11
Уже лёг иней	12
Золотая осень	13
Райский уголок	14
Я вернусь	15
Люблю тебя моя Россия	16
Уже пахнет осенью	17
Мне снится мир	19
Капелька	20
Струны души	21
Сегодня дождь	22
Песни Победы	23
Нарине Авагян	25
Рассвет	27
«Ты волком-однолюбом на пороге...»	29
Замок	30
В моих ладонях	31
«Непроницаемая тишина вполне...»	33
«Свидетелем была рожденья света...»	34
Судьба	36

Созидание	37
«В огонь вонзаю свои руки...»	38
Родина	39
«Быть облачком недвижимым над головой твоею...»	41
Наталья Бабочкина	43
За все будет спрошено	45
Отложите, пожалуйста, осень	47
Силы жить дальше	48
Я сегодня тебя провожаю	49
Время распутицы	50
Попробуйте	51
Билет в страну Прошедшее	52
Солдатки	54
Ожидайте хорошее	55
На облаке	56
Когда все исполнится	57
Куда от себя убежишь?	58
Анна Биюшкина	60
Сказание о Рогнеде	62
Нити Междумирья	64
«Это лето будет ледяным, как и в семнадцатом...»	66
«Покорно мне в мученье...»	69
Разговор об упущенном	71
«Мечусь я как Есенин по земле...»	73

«Я стою над пустым и безлюдным полем...»	75
Павел Вершинин	77
1240 г. Битва на Неве	79
1941 г. Подмосковный декабрь	82
1942 г. Сталинградский элеватор	86
Три поля	90
Наира Григори	92
Измена	94
Маргарет Деранц (Rita Manvelyan)	107
Женщина с глазами лани	109
Альберт Кайков	120
Традиции хантов	122
Наталья Калинина	135
Может, это любовь?	137
Конец ознакомительного фрагмента.	142

**Сборник
Наследие
литературы XXI века**
*Сборник прозы и поэзии
лауреатов ежегодной
литературной премии*

* * *

© Издательство «Четыре», 2026

Роман Абубакер

Родился 31 марта 1972 года. Генеральный директор производственной компании, в прошлом ювелир и огранщик

алмазов. В 1989 году был признан лучшим охранником в СССР. Служил морским пограничником с 1990 по 1992 год. В 2023 году основал бренд Arekami, занялся производством электроники и онлайн-торговлей. Продвигает бальнеологическую продукцию. Пишет стихи с 2023 года, номинант на премию «Поэт года». Публиковался в альманахах, награждён медалями «Михаил Лермонтов: 210 лет», «Александр Пушкин: 225 лет» и «Александр Блок: 145 лет». Музыкант, автор песен и книг: «Мелодия моей души», «Осень бродит по дорожкам», «Прошу, не говори „прощай“».

Я свежесрезанный цветок

Я свежесрезанный цветок,
В руках твоих оттенки цвета.
Как нежный вздох мой лепесток,
Один, без сложного букета.

Среди всей зелени, в тени,
Я частью был простого мира,
Где солнце, дождь – мои сродни,
Роса – как звёздные сапфиры.

Теперь я в вазе, на окне,
Где лампа – лунная подруга.
Оставшись лишь наедине,
Твоей частичкой стал досуга.

Я вижу – улыбнулась мне,
Блестят глаза и настроенье.
Любви я символ в тишине,
Мгновенья часть и наслажденья.

Мельком ты время улови,
Увяну скоро сном печальным,
Живу я только для любви,
Моментом, эх, сентиментальным.

Рассвет

Посмотри, как прекрасен рассвет!
Эти робкие лучики солнца

Вдруг настойчиво скажут «привет»,
Пощекочут лицо, засмеются.
Мне покажутся чудом слегка
Эти нежные прикосновенья.
Но лежу я в постели пока
И смотрю всё ещё сновиденья.
Не пытаюсь сегодня я встать
Под лучами горячего света.
Позволяю продолжить мечтать,
Зная, вспомню когда-то об этом.

Город

Город, в котором мне хочется жить,
Рядом с пекарней, где булочка с маком
Запахом выпечки манит сходить —
Каждое утро являясь мне знаком.

Сделаю дома прекрасный ремонт,
Руки пускай мне извёстка измажет.
Но размещу в коридоре свой зонт,
Осень дождливая это подскажет.

Чтобы избавить себя от тревог,
Буду, возможно, днём занят делами.
И подведу свой логичный итог
Вечером с книгой как раз на диване.

Рядом устроится ласковый пёс,
Верная мне, с добрым сердцем собака.
В лапы уткнув свой коричневый нос,
Слушать стихи будет все Пастернака.

Уже лёг иней

Уже лёг иней на траву,
Кристаллики в траве искрятся.
Вода способна наяву
В снежинки утром превращаться.

Крадётся солнце по земле,
Лужайка сном ещё накрыта.
И лёгкой дымкой на стекле
Картинка с улицы прикрыта.

А если посмотреть вблизи —
В траве как иней быстро тает,
То видно, как кристалл скользит
И в солнечных лучах сверкает.

Мороз на улице слегка,
И «минус» поменялся «плюсом».
Жизнь капельки так коротка,
И пусть они, подобно бусам,

Бегут по линиям листа
И молча в почве растворятся.
Их жизнь наивна и проста —
Стекают вниз и золотятся.

Золотая осень

Золотая осень листьями ложится,
И огнём под ноги ляжет листопад.
Музыка тихонько надо мной кружится,
Вся в оттенках грусти и простых баллад.

Быстро скинул листья клён в лесу кудрявый,
И берёзка тоже их не берегла.
Только пень смеётся у реки трухлявый:
Дубом был красивым, и листва была.

Сосны улыгнулись, разбросав иголки,
Шишками засыпав весь осенний лес.
Загрустили ёлки, правда, ненадолго
И почти готовы снежных ждать чудес.

Золотая осень листьями ложится,
С каждым днём всё ярче этот листопад.
Дождиком протяжным небо облежится.
Осень, друг мой, осень, вот такой расклад.

Райский уголок

У каждого есть райский уголок
На этой сказочной планете,
Где нежится в янтарном свете
Душа, весной раскрывшись, как цветок.

Возможно, там, где по утрам поют,
Собравшись на деревьях, птицы,
А ночью так уютно спится,
Где часто на стене часы встают.

А у кого-то плещется прибой,
В закате изменяя краски.
Не нужен грим и даже маски
В желанье быть наедине с собой.

У каждого есть райский уголок!
Свой мир, где для него красиво,
Где можно просто, молчаливо
С Вселенной слиться и войти в поток.

Я вернусь

Я ветром вернусь из уснувших полей,
Как лёгкая тень от морского заката,
Под бархатным светом ночных фонарей
Приду первым громом и эха раскатом.

Под звонкое пение маленьких птиц
Я после дождя стану лёгким туманом,
Мельчайшими каплями водных частиц,
От свежей травы ароматным дурманом.

Чуть солнечным светом прикрою глаза,
И, брызгами волн всё лицо закрывая,
Стеку по щеке, как простая слеза,
Уйду тихо прочь, никому не мешая.

Люблю тебя моя Россия (Акростих)

Люблю тебя, моя Россия,
Юг тёплый, север и моря.
Борьба столиц, периферия,
Люблю весь год до декабря.
Юнцом шагал по всем дорогам
Твоим, по разным городам.
Европа будет ещё долго
Бояться нас, сродни врагам.
Я вижу тех, кто правит миром,
Молчу, но нужно говорить.
О тех, кто в воинском мундире
Язык могли наш сохранить.
Россия – сильная держава!
О ней прекрасные слова!
Сама вольна и величава,
Содружество народов и глава!
Идущая упрямо к цели,
Я верю силе «Цитадели».

Уже пахнет осенью

Уже пахнет осенью воздух немного,
И вечером слышен его аромат.
Его отличить мне легко от дневного:
В оттенке чуть сырость и влажность кружат.

В нём есть что-то всё, что едва отличимо
От воздуха летнего, дышит где зной.
И с вечером душным прекрасно сравнимо,
Когда пахнет осенью, летом, зимой.

Чудесный оттенок, знакомый в сезоне,
Его уловить может каждый из нас.
И даже в рекламе, с подсветкой в неоне,
Что взору встречается часто сейчас.

У каждого есть на земле ощущение,
Как осень подходит, вступая в права.
Пишу, закрывая глаза на мгновенье,
Вдыхаю оттенок с усладой сперва.

Меня не судите сейчас очень строго,
Ведь это почувствуем скоро мы все.
И в каждой строке вспомним много былого,
А утром траву мы увидим в росе.

Дождями нас встретит погода игриво,
А листья всё больше кружат по земле.
Но как же становится это красиво,
Когда на деревьях все листья в огне!

Мне снится мир

Мне снится мир, уставший без причины,
Мелькнёт в ночи сиянием луны.
Без электричества, а в свете от лучины,
И под покровом гулкой тишины.

Тревожно сумерки туманом манят,
И в изголовье виден только крест.
Стучит в висках, возможно, даже ранит
В тиши тревога, а в душе протест.

И с торжеством, огнём, в своих светилах,
Когда мой страх играет с сердцем вновь,
Он сможет сделать всё, что в его силах,
Да так, чтоб в жилах стыла моя кровь.

Капелька

Смотри, как на листья дождевки ложатся,
Не трогай листок, вдруг нарушишь ту грань,
Где в листьях способны те капли качаться,
Дрожать на ветру, но тепло улыбаться.
Не тронь ты их радость, а искренне глянь.

Вот солнце мелькает уже среди тучек,
Подсветит лучом эти капли, смеясь.
Подарит им ласково тоненький лучик,
Жаль, нет у них тонких и маленьких ручек,
Чтоб вверх потянуться, светясь и искрясь.

А дождик прошёл, облака растворились,
И божьи коровки слетелись опять.
Растаяли тучи и вдаль удалились,
И все насекомые зашевелились,
Чтоб мир красотой и добром наполнять.

Струны души

Души нейлоновые струны
В миноре нежно зазвучат.
Они волшебные, как руны,
Их музыканты различат.

Звучат в игре непринуждённо,
И мягкие для пальцев рук,
С мелодией заморожённо
Доносят свой волшебный звук.

В аккордном ровном переходе
Мелодия придёт сама.
Ритм поменяет при погоде,
Но свой настроит тишина.

Местами отразится эхом,
Ворвётся в мае, как гроза.
С необычайным, звонким смехом,
Что заблестят мои глаза.

С ним строки напишу неспешно,
Ослаблю все я тормоза.
И пусть покатится чуть нежно
Едва заметная слеза.

Сегодня дождь

Сегодня дождь стучит в окно,
И по промокшим тротуарам
Бежит девчонка, как в кино,
Блестя солнечным загаром.

Светило солнце час назад,
Она ещё купалась в море.
И резко дождь как водопад —
Прервал ей отдых пляжный вскоре.

Бежит по лужам и смешно
Пакетом голову прикрыла.
А я в кафе через окно
Смотрел, куда она спешила.

Вдруг скрылась быстро за углом,
Сюжет лишь весь перед глазами.
За мокрым, в капельках, стеклом,
В моих стихах, что льются сами.

Песни Победы

Песни Победы звучат на курганах,
Ветер колышет знамёна все вновь.
Вспомним о всех дорогих ветеранах,
Кто проливал там за Родину кровь.

Встанем и вспомним родные их лица,
Вспомним о тех, кто остался в земле.
Подвиг народа в сердцах сохранится,
Будет сиять в негасимом огне.

Праздник великий, в веках сохранённый,
С болью и грустью о трудных годах.
Будем бойцов помнить всех поимённо,
Тех, кто в отваге забыли про страх.

Слёзы пусть есть, но они – слёзы гордых,
Родину что отстояли свою.
Гнали врагов всех жестоких и твёрдых
В каждом суровом и ярком бою.

Сквозь пепелища, сквозь боль и утраты
Шли до конца, не жалея себя.
Вечная слава советским солдатам,
Жизни отдавшим, Отчизну любя!

Май сорок пятого, знамя Победы
Гордо взметнулось над миром в огне.
Подвиг народа, отцов наших, дедов
Вечно останется в нашей стране.

Знамя свободы над нашей державой,
Счастье народ заслужил всё сполна.
Гордость храним мы с немеркнувшей славой,
Где за Победу – большая цена.

Слава героям! Их подвиг бессмертен!
Память о них пронесём сквозь года.
Мирное небо – их главный завет нам,
Помнить об этом должны мы всегда!

Нарине Авагян

Член Интернационального Союза писателей, Союза писателей Армении, Союза армянских писателей Америки, Со-

юзa культурных деятелей Армении, интернационального литературного клуба «Творчество и потенциал», литературно-культурного клуба «Тир», почётный член СПР Московской области.

Имеет множество творческих наград, среди которых:

- медаль Пушкина (к 200-летию поэта);
- медаль «Творчество и потенциал» им. К. И. Чуковского (Санкт Петербург, 2022);
- медаль «350 лет со дня рождения Петра Первого» (РТ-СРК, Москва, 2023);
- медаль «За заслуги в культуре и искусстве» (СПР Московской области, 2023);
- золотая медаль «Месроп Маштоц» (Всемирная ассоциация исполнительских искусств, Армения, Ереван, 2023).

Рассвет

Я видела рождающийся свет,
И муки, и страданье, между прочим,
Стыдливость в нём прекрасной из невест —
На зорьке ранней после бурной ночи...

Из нитей светлых выткался рассвет,
И небо улыбалось, как младенец,
В нём было будто ангела рождение,
Вуалью нежной – в утренней росе...

Была свидетельницей чуда я,
Как будто видела надежды я рождение,
И, ночь омыв, разлился свет, виясь,
Свет – сказочная песня озаренья...

Я видела, как, ожерельем став,
Роса покрыла лентой-пенной травы,
Ростки покрыла вешние с утра,
Короновала день своей оправой...

И, пальцами духовными продлясь,
Клубок раскрылся всех моих мечтаний,
И грех погиб, с гармонией – лишь связь,
И мир ареной стал для созиданья...

Я чудо видела: разлился в мире свет,
Рассвет рождая, жизнь и ожиданье,
Магический и нежный мой рассвет
Ко мне пришёл, как древнее преданье...

«Ты волком-однолюбом на пороге...»

Ты волком-однолюбом на пороге
Души моей клубком свернулся верным,
Держа цветок в ладонях, ты с дороги
Пришёл ко мне с лучом рассветным первым...

В глазах твоих – огонь неукротимый,
В устах – от поцелуев моих надпись,
Пришёл случайно ты, неотвратимый, —
Дай прикоснусь щекой к твоей я лапе...

Сошлись в едином – радость, ликование,
В твоих ладонях – ожиданий жажда,
Пятно греха – бездыханною тайной:
В глазах твоих раскаянья след влажный...

Как будто ты спускаешься по тропке,
Летишь, держа в руках светильник счастья,
Пришёл ты! – Прислонюсь к плечу я робко,
Ты крепко обними меня и властвуй!

Ты волком-однолюбом вновь вернулся,
Домой вернулся утром... на рассвете...

Замок

Закрыв себя, в замок я превратилась,
Мой день без сини будто бы разут,
Я трещину даю, но не ломаюсь —
Из глины обожжённый, как сосуд...

Но сколько сердцу выдержать? – Ведь треснет,
Как сохранить себя, но не застыть,
И листопад вдали, такой прелестный,
Ковёр, старея, так теряет нить...

В клубок я превратилась ненароком,
Никак блаженной вести не дождусь,
Ночь вечная моя вся в воскурениях:
Я уповаю на надежду, жду...

В моих ладонях

В моих ладонях мир возвращён —
Глоток любви, горсть небосклона,
И тёплый детский родничок,
И веры луч в моих ладонях...

В устах запряванный твой смех,
В слезинках плач в моих ладонях,
В ладонях влажных – счастье, грех
Сияют солнца перезвоном...

И ностальгии вечный зов,
Объятий жарких предисловье,
И духа нищета, и снов
Счастливых детских ясный повод...

Зимы зелёный контур скрыт,
В моих ладонях – день весенний,
И листопадом жизнь бурлит, —
Надежды, всплески и сомненья...

Условной жизни там баланс
И грёзы в ярких сновиденьях,
Печаль, отрада, звёздный час,
Судьбы случайной дуновенье...

Покрепче их держи в руках,
Коснись их с нежностью медовой,
Но не сжимай, не закрывай
Отяжелевшие ладони...

Ведь ты поймёшь совсем без слов,
В них твоя пристань и любовь...

Сжимай покрепче их, мой милый...

«Непроницаемая тишина вполне...»

Непроницаемая тишина вполне,
И песни уж давно ждут откровенья,
Фонтана струйки так летят вверх, —
Они – души бездонной озаренья...
И самообличения пути
Давно прошла... Жизнь, знаю, суетится...
И рукопись в душе... Как мне пройти
Всю сопредельность, что в стихах таится?
Мне в полном забытьи так трудно жить
И отделить тревожный мрак от света,
Чтоб в душу вновь гармонию вложить,
Хоть и бежит от солнца луч рассвета?

«Свидетелем была рожденья света...»

Свидетелем была рожденья света,
И родовых мук видела я огонь,
Мучений крик, борьба и радость – вместе,
Стыдливой женщиной разлился небосклон...

Я видела, как из лучей рассвета
Создало утро неба синеву,
И нежным вздохом, покрывалом-ветром
Лик свой открыло миру наяву...

Свидетелем была сегодня чуда:
Надежда так рождается, живёт,
Волшебного златого света кудри
Прикрыли ночи мрачной небосвод...

И, как роса предутреннюю феей,
Жемчужной пеной-лентой мир прикрыв,
Застыла на ростках, алмазом млея,
Как вешних дней чарующий прилив...

И как в духовных пальцах мирозданья
Клубок завился – грёз, любви, мечты,
И как исчез в сердцах грех стародавний,

Забыл мир все оттенки суеты...

Я видела: на небосводе ясном
Рождалось утра чувственная высь,
Нет ничего возвышенной, прекрасней,
Чем миг, когда свет-магия сошлись...

Судьба

Горсть надписи на лбу неся,
Тропинку прохожу смиренно,
Что было, то простила я,
Стремясь к светилу лишь нетленно...

Ты приходил лишь в холода,
С теплом – всегда в путь собирался,
Мне оставалось только ждать,
В мечту лишь веря, как и раньше...

Горсть надписи на лбу неся,
В черновиках ищу я мысли, —
Тропа над головой нависла:
Я – клинописью стану вся...

Созидание

Раскрыл глаза росток ещё зелёный
С надеждой чуть испуганной на мир,
Повесил ноги на побеги сонные
И улыбнулся, как весны кумир...

Он восхищался миром и цветами:
– Как мил и бесконечен щебет птиц,
Ласкает будто солнце мир руками,
Разыгрывают почки вешний блиц...

Свет почки мило к дереву коснулся,
Чтоб жемчугом весны весь мир расшить,
И праздником цветенья мир проснулся...

Из влажных небосвода каплет глаз
Красавицы весны безумной власть...

«В огонь вонзаю свои руки...»

В огонь вонзаю свои руки,
Хочу, чтоб сердце охладилось, —
Не знаю, выдержат ли муки
Под тонкий шёпот зла спесивый?..

Проходит жизнь в наряде солнца,
Ручей течёт вниз – в травах, иле,
Дай Бог, чтоб усталъ стала томной,
Лишь сердце б жаркое остыло...

А воздух – точно вопль кадила,
В огне ещё томятся руки, —
Как выжить в пламени, как силы
Мне сохранить, попробуй, ну-ка?

Родина

Ты – биография на исторических камнях,
Ты – летящее на летних волнах
Предисловие дня,
Пронизывающий рассвет...
Ты – рой пчёл, опьянённых пылью,
Младенец на четвереньках, лицом
К колыханью пшеничного поля...
Ты – зефир, дующий из ароматных долин,
И молочное небо вдали,
Несущееся на крыльях светила...
Ты – бредущий мудрец на заре,
Идущий из глубин старости,
Ты – капающий из пальцев каллиграфа
Нарек.
Ты – дрожь сердца, ты – ангел
И капелька слезы на предутренней траве,
Ты – светло-зелёная грёза, поверь.
Идущая мне навстречу реальность —
В каждом шаге своём.

Ты – то всё, что есть во мне —
Извне, во сне и наяву:
Мой город,
Моя семья,
моя сущность...

И все они меня зовут...

Ты – моё поверье,

Ты – всё то, чему я слепо верю.

«БЫТЬ ОБЛАЧКОМ НЕДВИЖНЫМ НАД ГОЛОВОЙ ТВОЕЮ...»

Перевод с армянского Ара Геворкяна

Быть облачком недвижимым над головой твоею,
Быть трелью златозвучной, с любовью гладить бровь,
Быть ручейком прозрачным, по дням течь, сладко млея,
Чтоб мои воды слились с твоими, – всё без слов...

Стать златовласой осенью, зимой – безукоризненной,
Стать летом для тебя лишь, неся свои дары,
Весной стать свежим вздохом для счастья твоей жизни,
И всплеском вешних песен любви мир озарить...

Быть солнцем лишь беспечным, твоей любви лишь розой,
Пусть льется дождь, сливаясь со светом, чистотой,
Чтоб радугой на небе восстала твоим, Боже,
Украшив семицветьем твой радостный покой...

Быть шалью кашемировой и ночью черноглазой,
Чтоб точкой стать заветною ночей и дней твоих,
А в сон войдешь, я стану лишь грезой твоей ласковой,
Зайдя под твои веки, шепча любви лишь стих...

Жемчужной нитью стать бы и бусами лучиться,

Обняв тебя за шею, к груди прижать своей,
Стать серебристой сказкой и песнею пречистою,
В душе твоей остаться, мой вечный чародей!

Цветком быть первым вешним лишь на твоей дороге,
Чтоб ты за каждой пчелкой мог с завистью следить,
Чтоб лепестки мои лишь ты мог нежно трогать
И поцелуем долгим уста мои раскрыть...

Любовью быть бесценной, тебе принадлежащей,
И быть твоею только – лишь над тобой парящей...

Наталья Бабочкина

Родилась в Грозном. Живёт в Москве. Первая публикация состоялась в 1971 году в журнале «Огонёк». Окончи-

ла два факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Особой заслугой считает возрождение имени Вукола Лаврова. Соавтор литературоведческой монографии, восемнадцати православных поэм, нескольких сборников стихов, аудиокниги на платформе «Литрес». Член Союза писателей Москвы, литературного клуба «Творчество и потенциал» (СПб.) и «Объединения православных учёных». Номинант и лауреат многочисленных конкурсов, обладатель почётных знаков «Золотое перо русской литературы» и «Литературный Феникс». Первая степень в номинации «Голос Родины» литературной премии «Человек слова» (2024).

За все будет спрошено

За всё будет спрошено,
за каждую малость.
За всё, что заброшено,
и всё, что досталось.
За горечь забвения,
за боли утраты
мы все без сомнения
ответим когда-то...
За всё, что нечаянно
с тобой натворили.
За всё, что отчаянно
другим говорили.
За радость познания,
предательства горе
найдёт мироздание
оценку нам вскоре...
За добрые помыслы,
за злость ненароком,
за всё, что мы вынесли
из жизни уроком.
За всё, что осилили
и что не сумели.
За то, что мы сильные.
За то, что мы смелые...
Душе растревоженной

немало досталось...
За всё будет спрошено.
За каждую малость...

Отложите, пожалуйста, осень

Ветер листья по скверу разносит,
птиц по стаям спеша разобрать...
Отложите, пожалуйста, осень,
сердце просит любви и тепла.
Жизнь несётся на грани азарта.
Как бесценен и хрупок запас!
Отложите тревоги на завтра, —
их и так слишком много у нас.
Хоть разлуки печали нам множат,
уменьшают надежду года,
но любовь не откладывай, Боже.
Пусть она с нами будет всегда!

Силы жить дальше

Обиды мимо и упрёки тоже мимо,
мосты сожжённые уже не воротить...
Все, кто отрёкся от меня, идите с миром.
Второй раз в реку нет желания входить...
Я дню сегодняшнему пропою осанну.
Я позабуду все сомнения и грусть...
Всех, кто забыл меня, и вспоминать не стану.
Что было, кануло, назад не оглянусь.
Не жаль былого, что несётся, как ракета.
Не жаль ошибок, что пришлось мне исправлять.
Все, кто поверил мне! Спасибо вам за это.
Вы силы дали мне жить дальше и писать...

Я сегодня тебя провожаю

Ни о чём ни на миг не жалея,
только Родину бы уберечь,
я тебя провожаю аллеей,
знавшей радость пленительных встреч.
Я вчера ещё не представляла,
как в разлуке остаться одной,
а сегодня под сводом вокзала
мы простились с тобою, родной...
Знаю, нет нашей Родины краше.
Все вы милой Отчизны сыны.
Буду ждать, словно бабушки наши,
что своих дожидались с войны.
Всё, что прежде, за мирной чертою,
сберегу я до часа, когда
ты вернёшься с победой святою,
позабыв про печаль и года.
Не отнимешь у сердца надежду,
не разнять наших любящих рук...
Ты обнимешь меня, как и прежде,
словно не было горьких разлук...
Я давно уже не возражаю,
что разлучный у осени нрав...
Я сегодня тебя провожаю,
своё сердце вдогонку послав...

Время распутицы

Бывает у каждого время распутицы,
тоски непролазной и горьких дождей,
все беды минувшие в памяти крутятся,
и преданных так не хватает людей.
Когда исчезает всё, что было значимо,
когда в тупике новый путь выбирать,
когда наше прошлое переиначено
и нам неохота о нём вспоминать...
И путь пред тобою пустыней неведомой,
и не за что там зацепиться тебе.
И сам себе кажешься каплею преданной,
что канет внезапно в моря в этот день...
Но это не финиш, что вдруг приближается.
Момент размышлений, оценка пути...
И ты понимаешь, что жизнь продолжается,
и надо, поняв это, дальше идти...

Попробуйте

В жизнь вступая, делаем попытки робкие
изменить судьбу, порою повсеместные...

Говорят, что в жизни надо всё попробовать.

Что ж, попробуйте стать добрыми и честными.

Вы попробуйте людей ценить и искренне
помогайте путь найти, гоните горести...

Право, в жизни всё попробовать немислимо.

Так давайте жить, чтоб не было нам совестно...

Билет в страну Прошедшее

И, хоть пути такого нет,
как сумасшедшие,
возьмите мысленный билет
в страну Прошедшее,

что растворилась, словно сон,
в годах отмерянных,
её мы в памяти несём,
грустя потерянно...

Всё в той стране уже не так,
как нынче кажется,
но мы-то помним каждый шаг,
что жизнью свяжется.
Всё, что прошло, скрывает дым
былого горестно,
и до того мы молодѳ,
что даже совестно!

Всё, что оставлено в стране,
хранится бережно.
Мы вспоминаем в тишине
душою нежною
все переулки прежних дней,
страданья бывшие...

Мы, чтобы не было больней,
беду забывшие,

припоминаем каждый день
и вечер ласковый,
свой каждый миг среди людей,
когда мы счастливы,
и вытесняем ту беду,
что нас тревожила,
в каком-то памятном году
былого Прошлого.

Мы с высоты минувших дней
взгрустнём по-прежнему
и по тому, чего уж нет,
душою грешною...
На полустанок прошлых лет
на миг сошедшие,
возьмите мысленно билет
в страну Прошедшее...

Солдатки

Перекрестит, и слёзы украдкой,
и дорогой пойдёт своей...
Появились опять солдатки
на Руси православной моей.
Затворённые счастья двери.
Ей совсем нелегко одной.
Она молится, свято веря,
что вернётся солдат домой,
что обнимет, как прежде, сладко.
Всё, что есть, на столы неси...
Сберегают любовь солдатки
православной моей Руси...

Ожидайте хорошее

Как же часто в плену мы у прошлого!
Кто нас станет за это судить?
Каждый день ожидайте хорошее,
о плохом постарайтесь забыть.
Все ошибки подвиньте-ка в сторону,
все печали забудь навсегда.
Жаль, что счастье с печалью не поровну
нам дают и судьба, и года.
Ну так что же? Минувшее прошлое —
только прошлое, вовсе не явь...
Каждый день ожидайте хорошее,
за спиною тревоги оставь...

На облаке

Вновь чувствую я около
родной любимый взгляд.
Там, в небесах, на облаке,
все близкие сидят.
Им так помочь мне хочется
рассеять груз забот.
Разлуки одиночество
вновь вместе нас сведёт.
Заботами поделимся,
и, может быть, тогда
всё для меня изменится.
Ведь даже в холода
тебе помогут выстоять
слова твоих родных...
Жаль, облако искристое
от нас скрывает их...

Когда все исполнится

Оптимизмом сердце полнится.
Годы мчатся, как вода...
Всё когда-нибудь исполнится.
Кабы знать ещё, когда...

Лет желанною отрадою
жизнь нам выстелет пути...
Жаль, в тот миг, когда мы падаем,
нам соломки не найти...

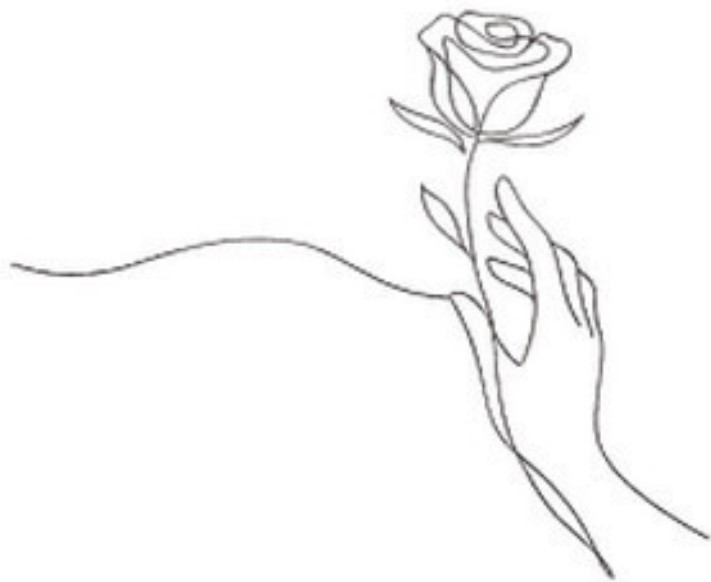
Чтоб постигнуть смысл сущего,
надо мучиться года...
Не скудей, рука дающего!
Обижающим – беда!

Я вступила в жизнь девчонкою,
не страшась в пути препон...
За горами бубны звонкие...
Не расслышать нам тот звон...

Все мгновения запомнятся,
отшумев, как летний дождь...
Всё когда-нибудь исполнится,
если веруешь и ждёшь...

Куда от себя убежишь?

Были горе, тревоги и жалость,
боль предательства, горечи тишь...
Никогда от себя не бежала.
Ну куда от себя убежишь?
И в беде никогда не робела,
и в горящую избу бегом.
Все печали имеют пределы,
и хорошие люди кругом...
А в награду догадка досталась,
что не стоит беду ворошить.
На людей мне везло всем на зависть —
я умею людьми дорожить.
Мне не чужды ни юмор, ни шалость,
ныть не буду, не стану робеть...
Никуда от себя не бежала...
Разве только навстречу судьбе...

Анна Биюшкина

Родилась и выросла в Нижегородской области. В 2022 году окончила НГСХА по специальности «агрономия», в

2024-м – ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева по специальности «садоводство» по направлению «ускоренные технологии селекции растений». В настоящее время учится в аспирантуре. Работает научным сотрудником в лаборатории в ФНЦ ВИК им. В. Р. Вильямса.

Принимала участие в конкурсах иммерт-фантастики, в международном молодёжном конкурсе научных и научно-фантастических работ «Горизонт–2100».

Участник девятнадцати коллективных сборников. Состоит в литературном клубе «Творчество и потенциал» (СПб.). Награждена различными грамотами и медалями от издательства «Четыре».

Автор сборника стихотворений «Мелодия моего сердца» и книги «Хроники Созвездий: книга 1. Пророчество».

Сказание о Рогнеде

Но, может, летопись ложью нас кормила,
И неверная молва сквозь времена нам
Правду о Рогнеде и Владимире принесла?
Ведь невозможно так безумно полюбить врага!
И сына своего так трепетно любила,
Что не поднялась мужа рука убить жену.
И Рогнеда замуж более не выходила
И, может, в монастырь ушла потому?
Может, не было тех обидных слов, что она говорила?
И не было братоубийственной войны?
Ведь Рогнеда так его любила,
Что не одного сына подарила...
А ложь, может, и была,
Ведь как только не приукрасят всё у нас!
Может, судьба и жестока к ней была,
Но Рогнеда миру четырёх князей принесла...
Тех, что создали две великие державы,
Ярослав Россию сохранил,
Изяслав гордую Белоруссию сотворил,
А Предслава, что ж печальна её судьба...
Но брата предупредить успела,
Прежде чем попала в плен она,
Стала наложницей своего бывшего жениха.
Ибо тёмные были времена!
Других двоих дочерей история туманом покрыла,

Других сыновей у Рогнеды не было уж более никогда,
А имя гордой княжны история всё же сохранила,
Ибо непростая у неё была судьба!

21 февраля 2025 г.

Нити Междумирья

Я уйду солнечным летом,
Я исчезну в нежном сиянии рассвета,
Я исчезну в летнем дожде,
Я исчезну и больше не появлюсь нигде.
Я уйду из этого мира,
Я исчезну среди полей и лесов.
И зовёт меня звезда Лира
Туда, где остался мой вечный зов.
Туда, где остался наш позабытый чертог,
Где открыта граница другого мира,
Где зовут меня нити междумирья,
В созвездия прекрасных чертогов.
Где остались те, кого мы позабыли,
Те, кто давно улетел из нашего мира.
Те, кто помнит очень древние времена,
Те, кто был до нас ещё тогда...
Не зовут нас туда мёртвые,
Не зовёт меня туда Орион,
А зовёт меня то созвездие,
Прекрасным Лебедем мы его нарекли.
Среди других миров и границ,
Знаю я, душа моя больше не спит,
Пробудит её забытая память тех лет,
Когда был ариев великих рассвет.
Когда был древних славян мир уничтожен,

Когда Сварожьи круга разомкнулись перед нами,
Когда исчезли древние славяне,
Оставив тех, кого волхвами звали.
Оставив тех, кто легенды тех времён нам передали,
Тех, кто Русь не забывали,
Тех, кто Веру новую приняли,
Вплетя в неё древние слова.
Позовут нас Нити Междумирья,
Когда заблудившийся дитя в тайге
Вставит кристалл Солнца в лунный свет,
Увидишь ты путь в Междумирье.
Но ступить туда – это путь на тот свет,
Опасны лучи иного мира,
Но узри ты образ града другого оттуда
И вытащи кристалл тотчас же,
Иначе не вернуться тебе вовек.
И иглы Междумирья соединятся сквозь время,
И явятся те, кого мы забыли,
И круг зарбина из тьмы вернётся.
Помните про Нити Междумирья.
Они спасением станут тогда,
Когда время вспять повернётся
И будущее перестанет виднеться.

24 февраля 2025 г.

«Это лето будет ледяным, как и в семнадцатом...»

Это лето будет ледяным, как и в семнадцатом,
Когда жизнь моя надвое разорвалась,
И мир наполовину погас,
И рассыпались в пепел все мечты.
И бреду восьмой год по пустыне,
И кричу в зловещей пустоши,
Но не вижу и не слышу я голоса людские,
Навеки умерли все мои грёзы.
И льют какие-то серые дожди,
И вижу изредка свет в туннеле,
И живу по жизненной инерции,
Словно умершая сихайя¹.
И всё чудится мне в чёрном песке,
Что явилась надежда мне
В призрачном сером огне,
Ты манишь меня к себе.
Что изменилось, Отец Небесный?
Ведь не стать мне прежней,
Ведь навеки пропала прежняя я,
Ведь я бесконечно устала, твоё несчастное дитя.
Ведь я уснула неверным и зыбким сном,

¹ Сихайя – Пол Атрейдес так звал свою возлюбленную Чани, это означает «Весна в пустыне», по поверьям фрименов – обещанный рай (трилогия «Дюна»).

Всё запах наркоза гонит из жизни вон,
Ведь сон тяжёл и нелёгок,
От кого защитил меня он?
И ангел-хранитель устал неимоверно,
Ведь тяжёл мой смертельный крест,
И Голгофа всё ещё далеко-далеко,
А на тропе моей лежит песок и мох.
И кричат чайки и вороны надо мной,
И я бреду над страшной людской бездной,
И тропа моя всё крута и крута,
Ведёт она меня куда-то в небеса.
Ангел-хранитель тяжело за мой спиной стонал
И шептал слова молитвы тебе, Отец Небесный,
А я звала тебя Богоматерь моя,
Приди же и спаси твоё дитя!
И крест словно потеплел,
И путь стал не так тяжёл и страшен,
Но моя душа разорвана на части,
И тихо стонет мой больной дух.
И плоть хрипит и стенает,
Трещит, словно древняя цитадель,
Где всё ещё живёт древнее древо,
Что помнит всё, что было...
А путь всё выше и выше,
И ступила моя замученная душа
В благодатный и благословенный край,
Имя ему – небесный Рай...
И крест взмыл в вышину незримо,
Сияя чистым сиянием золота,

И встал, как несокрушимая твердыня,
Хранить и стеречь границы страны родимой.

2 июля 2025 г.

«Покорно мне в мученье...»

Покорно мне в мученье,
В изображении небесных глаз.
В моём чебоксарском уединении
Я горько вспоминаю вас.
Вновь увидеть тебя
И проклясть твоё имя,
Тихо бичевать себя,
Смотря на портрет любимого.
Бить рукой в стекло,
Смотреть на мир за бортом
И тихо прошептать:
«Ты был когда-то рядом».
Всё прошло как сон,
Всё дохнуло туманом,
И лишь берёза за окном
Напомнит о даре странном.
Любить зачем-то,
Помнить почему-то,
Верить во что-то,
Надеяться на кого-то.
И всё заволокло дымкой,
И всё укрыло полями,
Всё сжёг закат ярким огнём,
А рассвет раскрасил акварелью небо.
И посмотрю на свой старый-новый дом,

Перекрещусь иконам в красном углу,
Посмотрю на голубое-голубое небо
И улыбнусь утру с надеждой.

15 июня – 26 августа 2025 г.

Разговор об упущенном

Я искал вас среди сотен пар глаз,
Я искал тот ваш печальный взгляд,
Тот милый образ, что мелькнул на миг
И скрылся за раскрытыми дверями.
Шумит перрон, шумит вокзал,
Я вас навсегда в толпе потерял,
Прошла ты мимо, словно сон,
Остался только шлейф духов.
Снова мчит меня состав,
Гремит, грохочет странная дорога,
Но не к той путеводной звезде,
Осталась ты смеяться в моём сне.
Бросала я на вас взгляд отчаянно,
Неужели я вас потеряла среди толпы?

Кинулись вслед вы мне,
Но нас отрезал звон дверей.
Умчал скорый поезд вас,
Бросили мы друг на друга прощальный взгляд,
Вздохнули мы синхронно на миг,
Но жизнь бурная умчала дальше нас.
Прощай, мой мимолётный сон,
Прощай, тот призрачный мираж,
Прощай, злосчастный вокзал,
Здесь ты на миг наши сердца соединил!

26 августа – 9 сентября 2025 г.

«Мечусь я как Есенин по земле...»

Есенину С. А.

Мечусь я как Есенин по земле,
Страдаю в душевном ненастье,
О учитель, прошу, помоги мне
Преодолеть это несчастье.
Скажите мне, брат по духу,
Как же так случилось,
Где та прекрасная Русь,
За которую мы с вами так молились?
Вы любили Русь не слепо, как мы,
Вы знали её лучше, чем мы,
Вы приютили страну, обворованную
И продрогшую в извечной борьбе.
И вы гордились страной,
Той, что дала вам дерзкий путь к новизне,
Той, что подарила прекрасных людей,
Той, что будет стоять вовек.
Скажи мне, учитель и поэт возлюбленный,
Что стало с теми, кто смеялся над нами презренно?
Усмехнулись вы лукаво,
Взгляд вспыхнул огненным закатом.
Прошептали вы что-то ветру буйному,
И крикнули мне весело:
«Живи ты в этом святом Раю,

Береги Русь, милую сердцу моему!»
И умчались в сиянии света
Навстречу голубому-голубому небу,
Голуби белые закурлыкали где-то,
Зашумели клёны и берёзы России.
Прошуршали страницы книг,
Где вы оставили души своей оттиск,
Где излили сердце поэта
И оставили нам вечный завет.

24 августа – 10 сентября 2025 г.

«Я стою над пустым и безлюдным полем...»

Я стою над пустым и безлюдным полем,
Звёздная ночь надо мной,
Отчего же, отчего же так ветер воет?
Словно ревьёт морской прибой.
Млечный Путь искрится надо мной,
Казалось, протяни руку, и он твой,
Но рука дрожит над чёрной пустотой,
Слышу только буйного ветра вой.
Смеётся где-то зловещая тень,
Слышу шаги за спиной,
Но обернусь, а там только призрачный прибой,
И снова странный свист ветра.
И брежу я по пшенице, шагая во мраке,
Даже звёзды, и те перестали светить мне,
Слышу только шаги чьи-то сзади
И хриплое дыхание везде.
Остались только я и кто-то,
Мрак стал как стоячее болото,
Руки вязнут в трясине,
И тянут к себе руки кикиморы.

17 сентября 2025 г.

Павел Вершинин

Родился 7 августа 1969 г. в Глазове УАССР (ныне – Удмуртская Республика). В 1991 г. окончил МПГУ им. В. И.

Ленина. В 1991–2000 гг. – учитель в школах Глазова. С 2000 по 2015 г. – сотрудник Глазовского краеведческого музея. С 2015 г. работает в историко-культурном музее-заповеднике «Иднакар» им. М. Г. Ивановой.

Автор детских программ музейной и патриотической направленности. Печатался в городских альманахах, альманахах издательства «Четыре» (СПб.). Победитель конкурсов «Глазовский АртФестиваль фантастики» (2022), «Восьмидесятый элемент» (Глазов, 2025) Автор сборника театральных миниатюр «Не расширяйтесь на восток!» (Москва, 2022) Член Санкт-Петербургского литературного клуба «Творчество и потенциал» (с 2024 г.). Удостоен наград издательства «Четыре» (Санкт-Петербург).

1240 г. Битва на Неве

Не в силе Бог, а в правде!
Александр Невский

Просвистела стрела – зоркий северный страж
Бездыханным в траву повалился.
Взмах железной руки – и ремень кистеня
Вокруг шеи второго обвился.

Часовые мертвы – дал ушкуйник сигнал;
Пусть хмельное лакают в Валгалле...²
Славный князь Александр войску слово сказал:
– Победим! Бог не в силе, а в правде!

И нагрянули воинов русских полки,
Будто гром среди ясного неба;
В поединки вступили один на один
И не дали построиться шведу!

На буланом коне Александр летит
И булатным копьём потрясает.
Новгородскую землю и Русь отстоим:
Божья правда сегодня – за нами!

² Валгалла (Вальгалла) – у северных народов: рай для убитых в бою воинов.

Говорит шведский конунг³: – Есть шанс победить,
Не ронять чести шведской короны.

Если русского князя в сражении убить,
Русский воин, возможно, и дрогнет!

Швед поправил доспехи, оружие достал
И коня в гущу боя направил.
Александр навстречу, как вихрь, поскакал;
Знает: Бог – он не в силе, а в правде!

Вот столкнулись – и встретился с вражьей башкой
Наконечник копья из булата!
Шведский конунг в бою русским князем сражён:
Помни, враг: Бог не в силе, а в правде!

Всем, кто нашу землю решил покорить,
Мы проложим в Валгаллу дорогу!
А того, кто грозился народ наш пленить,
Прочь несут с окровавленной мордой!

К кораблям по воде отступают враги:
Под угрозой честь шведской короны;
Окровавлен и берег прекрасной Невы,
Окровавлен и берег Ижоры.

Злато знамени шведского втоптано в грязь;
К месту битвы слетелись вороны;

³ Конунг – воинский титул у северных народов.

Вражья кровь и на берег Невы пролилась,
Пролилась и на берег Ижоры.

Будем Русь православную вновь защищать!
Отведём от Отчизны удары!
Святой Боже! Повержена шведская рать!
Помни, враг: Бог не в силе, а в правде!

1941 г. Подмосковный декабрь

Заснежено. Холодно. Ясно.
И ветки синички трясут.
Растительность всю перекрасил
Мороз в подмосковном лесу.

На елях качаются шишки,
А дятел долбит по стволу.
В шинели мерзавец фашистский
Бредёт, утопая в снегу.

Незванных гостей в непогоду
«Катюша» накрыла огнём.
От артиллерийского взвода
Осталось три фрица всего.

А ночью по гадам-фашистам
Ударил свирепый мороз:
Один из троих застрелился,
Второй задремал и замёрз.

В шинели бредёт уцелевший;
Перчаткою рожу закрыл,
Споткнулся на холмике снежном
И взгляд на себе ощутил.

За ярко блестящею ёлкой,
Украшившей снежный бугор,
Стоит малолетка-волчонок
И смотрит на фрица в упор.

Точь-в-точь любопытный ребёнок,
Наивный, смешной карапуз;
Совсем ещё юный волчонок
Не пробовал крови на вкус.

Стоит малолетняя кроха:
Пушистый, размерами мал,
Стоит и внимательно смотрит;
И «вальтер» убийца достал.

Достал и оскалился хищно:
— Сегодня уже не помру;
Расстреливал русских детишек —
И крошку-волчонка убью.

Нежданную встретил удачу;
Беда стороной обойдёт;
Напьюсь его крови горячей,
От холода шкурка спасёт.

Снежинки кружат хороводом,
И рада им ёлка-краса;
Убийце-фашисту волчонок
Доверчиво смотрит в глаза.

Создала зима-мастерица
Гирлянду из снежных кустов.
А крошка глядит на убийцу
И робко виляет хвостом.

Не знает фашистская морда,
Что рядом с детёнышем – мать;
Готова зверюге любому
И глотку, и брюхо порвать!

Не знает; в мозгу у убийцы
Одна лишь мыслишка: спасён!
Перчатка на ствол опустилась,
И щёлкнул железный затвор.

Малыш неподвижен хвостатый,
Как серенькой шерсти комок.
И вскинул убийца свой «вальтер»,
И мать совершила бросок.

И челюсти мощные волчьи
Сомкнулись на правой руке.
И треснули жалкие кости,
И зверем убийца взревел.

Рукав у шинели суконной
От крови мгновенно намок.
Надолго малышке-волчонку

Запомнится мамин прыжок.

Волчица свирепая выла,
Убийцу пуская в расход;
Фашиста рвала, будто мстила
За славный советский народ!

Сражалась не хуже, чем бьётся
За Родину храбрый боец;
Содрала шинель, гимнастёрку;
Пришёл оккупанту конец.

А серенький юный охотник
Вцепился убийце в бедро;

Волчонок не знал вкуса крови —
Сегодня узнает его!

Клыками – оружием природным —
Грызёт и терзает врага;
Волчонок – он хищник, охотник
И наших лесов санитар.

1942 г. Сталинградский элеватор (*Рассказ фашиста*)

Мерзкой осенью сорок второго
Мы с боями вошли в Сталинград.
За два дня уничтожена рота:
Не продвинулась даже на шаг.

Нам поставлена цель – элеватор.
Эту цель атакуем три дня.
Только держится город проклятый;
Элеватор – у русских в руках.

А у нас – только трупы и раны.
Путь до цели кровав и тернист.
Ночь проходит без сна. Утром ранним
Дал приказ бестолковый штабист:

Вызвать русских на переговоры,
Предложив им позиции сдать,
И отправить к ним парламентёров,
Белый флаг на танкетке подняв.

Трепыхается флаг над танкеткой;
Безоружные, мы – на броне.
Но какой-то иван, слишком меткий,

На машину навёл ПТР⁴.

Ходовая от выстрела звякнула,
Корпус дрогнул последним рывком,
И беспомощной лентою траки
Соскользнули на землю с катков.

Из разбитых ворот элеватора
Невысокого роста, крепки,
Вышли русские в чёрных бушлатах;
Мне сказали: они – моряки.

Отказались сдаваться... а дальше
Очень трудно их было понять:
Что-то про размноженье собачье
И про нашего фюрера мать...

Прислонившись к подбитой танкетке,
Чтоб тревогу и страх подавить,
Я из пачки достал сигарету
И собрался уже закурить,

Но какой-то иван неприметный
Вдруг меня ухватил за плечо,

Нагло отнял мою сигарету
И поставил к танкетке лицом!

⁴ ПТР – противотанковое ружьё.

В спину ткнул кулаком очень больно,
После тщательно обыскал:
Ничего по карманам не тронул —
Сигаретную пачку забрал!

Тут другие мерзавцы в бушлатах
(А с оружием каждый смельчак)
Шарят хамски по нашим карманам
И у всех отбирают табак!

Ни одной сигареты не стало:
Ну и что же мы будем курить?
И пешком побрели эмиссары
Об ответе врага доложить.

Друг мой Герман едва ли не плачет:
– Этой ночью, в убыток себе,
Я на три сигаретные пачки
Променил свой трофей – пистолет...

Снова – дни, переполнены болью;
Наши судьбы сломал Сталинград;
Перестрелки... ранение... госпиталь...
Возвращенье хромым в фатерланд⁵.

Смутно видятся схватки кровавые,
Позабылись военные дни...
Помню только, как русский мерзавец

⁵ Фатерланд – с нем.: родная страна.

Отобрал сигареты мои!

Три поля

Три поля ратных есть в России.
Три поля помнят о борьбе;
На них когда-то вражью силу
Наш русский воин одолел!
Давно, на поле Куликовом,
Мамая-темника разбив,
Полки Димитрия Донского
Отчизне славу принесли!
Второе поле – под Москвою;
Огромный памятник – оно.
На нас обрушившись грозой,
Запомнил враг Бородино!
А третье – Прохоровки поле;
Скрыт раскалённую бронёй,
Здесь наш танкист железной волей
Корёжил вражьих танков строй!
Солдатский долг – войны стихию
Встречать, затем уничтожать!
Три поля ратных есть в России;
О них не надо забывать!
Три поля; три суровых вехи;
Так, может, хватит воевать
И в наступившем новом веке
Огнём России угрожать?
Не лучше ли, забыв про силу,

Нас уважать и в мире жить?
Три поля ратных есть в России;
Но пусть четвёртому – не быть!

Наира Григори

Родилась в Ереване. Окончила Ереванский медицинский институт. Работала в институте хирургии им. Микаэляна. В

1994 году переехала в Москву, где продолжала работать врачом. Публиковать рассказы начала в соцсетях. Печаталась в сборниках издательства «Четыре»: «Призвание писатель», «Мелодии весны», «Творчество и потенциал» и в журнале «Время читать». Номинирована на премии «Нос» от издательства «Четыре», и «Писатель года» от «Проза.ру». В 2023 году стала лауреатом 133-го конкурса прозы МФ ВСМ и получила звание лауреата ВСМ и магистра МФ ВСМ.

Измена

Игорь специально взял билеты на ранний рейс «Сапсана». Несмотря на сорок с хвостиком, он так и не научился врать, глядя в лицо Лене. Поэтому нужно было выехать до того, как она проснётся.

Желудок ныл – как всегда, когда он просыпался раньше привычного времени. Подхватив собранный с вечера маленький чемодан, он переложил ювелирную коробочку с подарком из демисезонной куртки в тёплую (в Питере было холоднее) и аккуратно закрыл за собой дверь. Толкнул её, чтобы убедиться, что защёлка сработала, и, стоя на лестничной площадке, вызвал такси.

Ленинградский вокзал был непривычно пустынным. То ли время слишком раннее, то ли ковид отбил у людей охоту к путешествиям. Он, по своему обыкновению, приехал намного раньше. Присев в кафе за столик, заказал чашку кофе и открыл страницу Ирины «ВКонтакте». Перелистнул её фотографии и остановился на той, после которой написал ей впервые. Снова полюбовался зеленоватыми глазами, ямочками на щеках, русыми локонами. Нашёл последнюю публикацию, где она провожала сына к отцу в Калининград на каникулы, и выключил телефон.

Затылок заныл, как всегда после кофе. Игорь мысленно выругался: знал же!.. Не хватало приехать к Ирине с присту-

пом головной боли...

На улице шёл мерзкий, колючий дождь. Почти пробежав по перрону до второго вагона, он уселся у столика и закрыл глаза.

Лена ворочалась в постели, пытаясь унять поток бессвязных мыслей. Так бывало всегда, когда погода резко менялась к дождю. Рядом, на приставной кровати, спала Муся, неловко запрокинув голову назад и слегка похрапывая веснушчатым носом. Её золотые волосы рассыпались по подушке, а тоненькие руки, увенчанные скрюченными пальцами, застыли в воздухе.

У Лены защемило сердце от любви. Она накрыла одеялом плечи дочери и вытянулась звездой на двуспальной кровати. С тех пор, как родилась Мусечка, Игорь перебрался в комнату, которую они до рождения дочери называли «детской». Она предложила это сама: видела, как много работающий муж не высыпается из-за ночных криков ребёнка.

Сквозь поверхностный сон она услышала, как звякнула защёлка на двери, поняла, что Игорь вышел, и провалилась в глубокий сон.

С утра заморосил колючий дождь. Лене не хотелось вылезать из-под одеяла, но на десять был назначен приём у очень дорогого иглотерапевта, к которому она записала Мусю аж два месяца назад.

Не включая свет, чтобы не будить ребёнка раньше време-

ни, Лена накинула халат и, ступая босыми ногами по холодному полу, побежала в ванную, под душ.

Вечером побыть с Мусей должна была приехать её тётя Вера, Ленина старшая сестра, которая и убедила встретиться с Вадимом. Вчера она наконец покрасила седину и выкрасила волосы в каштаново-рыжеватый цвет у модного стилиста, которого оплатила опять же Вера. Они с Мусей уснули до прихода Игоря: ей было бы сложно встретиться с ним взглядом, думая о свидании с другим мужчиной.

Туго завязав длинные косы вокруг головы и натянув резиновую шапочку, Лена стояла под горячими струями воды, смывая тревогу, которая поселилась в голове уже с неделю как. С тех пор, как Игорь сообщил о командировке, а она, после долги уговоров, уступила Вадиму и согласилась поужинать у него дома.

– Ма, я буду у окна!

Игорь открыл глаза. Мальчик лет десяти, сбросив куртку на руки матери, плюхнулся на сиденье напротив и стал с любопытством, в упор, его разглядывать.

– Здравствуй! – сказал Игорь, возвращая ему прямой взгляд.

Мальчик несколько не смутился:

– Здрасьте! – и развалился в кресле, стукнув кроссовкой по его ботинку. – Ма, дай попить! – скомандовал он. И подчеркнуто заискивающе: – А можно мне телефон?

– Саша, мы же договорились!.. После книжки.

Игорь перевёл взгляд на мать мальчика – высокую, стройную, модно одетую, с нервным лицом и досадливо поджатыми губами. Достав из рюкзака книжку, она протянула сыну. Он оттолкнул её и опять пнул Игоря кроссовкой.

– И не надо! – И уставился в окно.

Игорь снова закрыл глаза и попытался сосредоточиться на головной боли. Иногда это помогало ослабить её. Вспомнил дочку: «Нежное солнышко Муся». Облако золотистых волос. Щёчку на его руке. Сморщенный от удовольствия веснушчатый носик. И маленькое несуразное тельце в инвалидном кресле. Сердце заныло чувством вины. За злость, с которой он иногда думал о ней...

Муся родилась довольно поздно, через восемь лет после официального брака. И заполнила всё пространство их жизни. Лена, весёлая хохотушка Лена, после рождения Муси как будто сошла с ума. В её жизни не стало места ничему и никому, кроме Муси.

Врачи, массажисты, мануальщики, знахари, бабки...

Вначале казалось, что есть надежда, что всё можно исправить. Игорь работал с утра до ночи, чтобы можно было покрыть безумные расходы на лечение дочери. Они всё реже и реже виделись. Все разговоры сводились к обсуждению симптомов и врачей. Лена изменилась. Стала колючей, едкой. Она перестала следить за собой, носила серые, несураз-

ные костюмы спортивного типа: в них было удобнее возить ребёнка по поликлиникам и больницам.

Время шло, и надежды на то, что Муся будет обычным, здоровым ребёнком, постепенно таяли. Несмотря на это, она росла умненькой, смешливой девочкой. Очень красивой, даже несмотря на изуродованное болезнью тело. Игорь иногда представлял себе, какой бы она была, будучи здоровой. Может, такой же избалованной и непослушной, как этот пацан, даже не представляющий, насколько ему повезло...

В кармане тренькнуло, и Игорь вынырнул из полусна. Это было сообщение от Ирины: «Доброе утро! Ты уже в поезде?». Мальчик алчно смотрел на телефон. Было видно, что он бы отдал всё за то, чтобы поиграть в новом айфоне. «Привет! Да, уже в пути».

– Ма-а-ам, дай телефо-о-он... – заканючил снова мальчик. – Ну ма-а-ам!..

Женщина протянула ему книжку. Он вырвал её из рук матери и с выражением крайнего недовольства углубился в чтение.

– Сколько ему? – спросил Игорь.

– Десять. Через неделю...

– Едете на каникулы?.. Праздновать день рождения?

– Едем к папашке, – вступил в разговор мальчик.

– Саша! – одёрнула его мать.

– Мам, это скукота! Я не хочу больше читать!

– А что ты читаешь?

Саша подвинул к Игорю книжку: «Литературное чтение, 3 класс». Игорь взял её и быстро перелистнул:

– Та-а-ак, Бианки, Мамин-Сибиряк... А «Три мушкетёра» ты читал?

– Нет. Что ещё за мушкетёры? Я вообще ненавижу читать!

– Жаль. Я в десять лет зачитывался ими. Попробуй!

– Не хочу... – пробурчал Саша и вновь принялся за свою книгу – мостик к вожделенному телефону.

«А что читает твой сын?» – написал Игорь Ирине. – «Ой, это больная тема, не спрашивай! Он не любит читать», – быстро ответила она, сопроводив сообщение грустным смайликом.

– А у вас есть дети? – спросила Сашина мама.

– Да. Дочка, ей девять.

– А она читает?

– О да, она много читает... «Это одно из редких удовольствий в её жизни», – подумал Игорь.

– Наверное, с девочками проще, – предположила женщина.

– Да, несравнимо проще. Несравнимо...

«Интересно, почему он спросил про Серёжу? – подумала Ира. За четыре месяца переписки они ни разу не упоминали детей. – Значит ли это, что у него серьёзные намерения? Странно!»

Уложив волосы, она сделала селфи и пошла собираться на маникюр. Через пару часов она должна быть уже на вокзале. Одевшись в новую яркую шубку, Ирина не удержалась, сделала ещё одно селфи и отправила Игорю: «Вдруг не узнает среди встречающих?»

Ей было любопытно, как он выглядит на самом деле. По фото сложно было угадать рост, комплекцию. Иру привлекали высокие мужчины, но Игорь ей тоже нравился: эрудицией, чувством юмора, какой-то старомодной тактичностью. Они могли говорить обо всём на свете, но Игорь ни разу не позволил себе задать вопрос о её личной жизни, выспрашивать подробности.

Он знал о ней ровно столько, сколько Ира сама рассказала: в разводе, есть сын. И решил приехать только после того, как она недвусмысленно намекнула ему, что на ноябрьских каникулах сын уедет к отцу и она будет одна.

«Ты очень красивая», – ответил Игорь.

Отправила улыбающийся смайлик и позвонила сыну. Он вчера впервые летел один и был страшно горд этим. А ещё счастлив: в семье отца завели собаку, о которой он мечтал. Но Ира, став матерью в восемнадцать, только сейчас, когда сын стал самостоятельным, начала жить так, как жили её беззаботные ровесницы в двадцать. И сковывать себя новыми обязанностями – браком, детьми и собаками – не собиралась. В восемнадцать лет она, выйдя замуж, сбежала от стро-

гих родителей, а ещё через семь, получив в наследство от тёти квартиру в Питере, сбежала от мужа.

Сейчас Ирину полностью устраивала её жизнь. Необременительная работа, хорошая квартира, взрослый сын, поклонники и свобода от обязательств. На ближайшую неделю она отменила все дела и всех поклонников. Всё-таки Игорь ей нравился. «Возможно, я даже влюбилась», – подумала она и хмыкнула. Маникюрша удивлённо подняла на неё глаза.

– Нет, ничего, вспомнила забавное. «И правда, что может быть забавней, чем влюбиться в человека, которого ни разу не видела и о котором ничего не знаешь?»

Хорошо, что хватило ума не предложить остановиться у меня...»

– Мама ты такая красивая сегодня!

Пока грузились в машину, розовая шапка с помпоном упала Мусе на глаза, и из-под неё выглядывал только веснушчатый нос. Лена поцеловала её в нос и поправила шапку.

– Как ты можешь знать, если у тебя глаза закрыты?

Муся засмеялась.

– Мам, правда! Ты очень-очень красивая сегодня! Всегда делай такую причёску!

Заплетённые на ночь волосы волнами струились по плечам – вместо обычного пучка. Лена хотела их заколоть по привычке, но решила не портить локоны: времени на укладку у неё не было.

Кабинет врача был на первом этаже жилого дома, но с крутой лестницей без пандуса. Пришлось поднять сначала кресло, потом возвращаться за Мусей. Лена, не привыкшая обращаться за помощью, совсем запыхалась.

Иглотерапевт оказался мужчиной средних лет.

– Ну что же вы не сказали?.. Я бы помог! – укоризненно воскликнул он, посмотрев на неё специальным, мужским взглядом.

Лена, отвыкшая от подобного внимания, и без того покрасневшая от напряжения, совсем залилась краской. Во время приёма она украдкой поглядывала на себя в зеркало над раковиной. «И правда, зачем ходить с полуседым пучком и пугать людей? Можно же выглядеть как человек, а не как замученная бытом курица...»

С Вадимом, одноклассником, беззаветно влюблённым в неё со школы, она должна была встретиться в шесть. Нужно было успеть ещё заехать за платьем в пункт доставки и накраситься.

С тех пор, как она под напором Веры согласилась на встречу, что-то изменилось. Лена будто проснулась от спячки. За эти годы она настолько привыкла быть пустым местом, на котором ни у кого не задерживался взгляд, что совершенно забыла ощущение интереса к себе как к человеку. Даже Игорь, лучший в мире из мужей, перестал её замечать. Из красивой и жизнерадостной женщины она превратилась в функцию. В фактор выживания долгожданной дочери...

И только после сообщения Вадима, которое она увидела спустя месяцы, так как не заходила в соцсети, в ней что-то всколыхнулось. Остатки чувств, которые плескались на дне воспоминаний о той, прошлой жизни. Ирина вдруг поняла, что они с Игорем живут в параллельных реальностях. И что выбираться из этого колодца ей предстоит одной...

«Ты очень красивая!» – написал Игорь и спрятал телефон в карман, подальше от глаз страдающего Саши. Нашупал в кармане коробочку с украшением. Попробовал представить лицо Ирины, когда вручит ей затейливую авторскую брошь. «А вдруг ей не понравится? Вдруг она даже не поймёт, что это? Ленка бы оценила...»

Сердце вдруг сжалось от давно не испытываемой нежности. «Ленка, такая родная и чужая. Что же с нами случилось? В какой момент мы отделились друг от друга?» Вдруг Игорю стало мучительно стыдно.

Настолько, что он даже покраснел. «Это была всего лишь ревность. Обычная детская ревность. И обида. Обида на то, что меня, центр вселенной, потеснила маленькая, несчастная девочка – мой ребёнок».

– Вам плохо? – спросила встревоженно Сашина мать.

– Да, мне не по себе. Могу я попросить вас о помощи?

– Ну конечно! Позвать проводницу? Может, валидол? У меня есть!

– *Поезд прибывает на станцию «Бологое». Стоянка поезда – одна минута. Просьба не выходить из поезда тем, чья*

поездка не заканчивается на станции! – прозвучало из динамиков.

– Скоро доедем! Уже полпути проехали, держитесь. Вот, положите под язык! – Она протянула Игорю блистер с таблетками.

– Нет-нет, всё в порядке, не беспокойтесь! Мне просто нужна ваша помощь. – Он достал телефон. – Могу я прислать вам фото? Если вы не против...

– Да не нервничайте так! Конечно можете! – Женщина торопливо написала свой номер на салфетке и подвинула Игорю.

Саша удивлённо смотрел, как случайный попутчик прислал его маме сообщение, потом сунул ей в руки свёрток и быстро прошёл в тамбур.

– А что он делал в Америке? – Вера выдохнула сигаретный дым в приоткрытое окно.

– Жил, работал... Откуда я знаю?

– И ни разу не был женат?

– Сказал, что был... недолго. Больше для гражданства.

– Вот сукин сын! А жена знала?

– Вер, ну не буду же я у него выпрашивать! Может, лучше нарисуешь стрелки? Я уже забыла, как это делается.

Лена, одетая в новое синее платье, неуклюже пыталась накрашивать глаза.

– Эх, горе моё! – Вера потушила сигарету и придвинула

к себе косметичку. – Мне кажется, тебе нужен синий карандаш. Он подчеркнёт цвет твоих глаз... Синие глаза, синий карандаш, синее платье, синий чулок... Синяя королевишна! – Вера залюбовалась сестрой.

Лена подошла и закружилась перед зеркалом.

– Ве-ра-а, неужели это я? Совсем забыла, как я выгляжу...

Укоротишь рукава?

– Ладно, снимай. Только осторожно, не размажь глаза.

– Мамочка, мамочка! – раздался Мусин крик из коридора.

Вера с Леной бросились к ней. Муся счастливо смеялась, уткнувшись в плечо Игоря, стоящего на коленях у коляски.

– Какие же вы у меня красавицы, девочки! – поднялся на ноги Игорь.

Пассажиры московского поезда рассыпались по зданию вокзала и деловито ринулись к выходу.

К Ирине подошла высокая красивая женщина с ребёнком.

– Вы Ирина?

– Да-а... я Ирина.

Незнакомка протянула ей маленький свёрток.

– Это вам. Игорь просил передать, что ему нужно срочно вернуться. Он вышел на станции «Бологое».

– А как вы меня узнали?

Женщина показала ей свой телефон с фотографией Иры в новой яркой шубке.

Маргарет Деранц (Rita Manvelyan)

Американский армяноязычный прозаик, родилась 16 октября 1958 года в Степанакерте, столице Арцаха (Нагорный

Карабах). С 2003 года живёт в Лос-Анджелесе (Калифорния, США). Автор семи книг. Имеет награды за литературную и культурную деятельность. Награждена золотой медалью Григора Нарекаци (Степанакерт, 2021), золотой медалью Фонда Азнавура (Париж, 2023). Союз писателей Армении наградила золотой медалью «Литературные заслуги» (2023). Роман «Купольный зонт», посвящённый событиям арцахской войны, в марте 2024 года был удостоен премии им. Чаренца Союза писателей Армении. Произведения Маргарет Деранц неоднократно издавались как на родине (Армения, Арцах), так и в США, Канаде, Ливане, Иране и в Иерусалиме.

Женщина с глазами лани
(Из книги «С противоположных
берегов океана»)
Перевод с армянского
Каринэ Халатовой

Джо Бартон, к удивлению многих знакомых и глубокому сожалению друзей-охотников, бросил охоту в конце того самого года, когда в город Калиенте, что невдалеке от Лас-Вегаса, прибыла семья армянских эмигрантов. Было время, когда бывшая жена Бартона Митра всячески пыталась отвлечь его от охоты, но, увы, тщетно. В конце концов, Джо с ней развёлся – предпочёл жене хобби. Многие из его близкого окружения подозревали, что странное решение связано с некоей армянкой по имени Нубар, в которую тот якобы был по уши влюблён. Однако эта версия так и не подтвердилась, поскольку Бартон не любил обсуждать свою личную жизнь. Он был неразговорчивым и замкнутым.

Джо вырос в густом лесу, расположенном в округе Бойсе в штате Айдахо, где жил вместе с отцом-егерем. Матери он лишился в раннем детстве. И отец, и все, кто её знал, с теплотой вспоминали безвременно ушедшую из жизни женщину. О ней отзывались как о преданной матери и жене, скром-

ной, радушной и доброй женщине.

В душе Джо свято хранил воспоминания из детства, связанные с матерью, но не делился ими даже с задушевными друзьями...

...Маленький Джо температурил и не вставал с постели. Его знобило, всё тело ломило, и детское воображение воспринимало болезнь как состояние крайней безнадёжности... Из его глаз невольно хлынули слёзы, и мальчик, зарывшись лицом в подушку, горько заплакал. «Мэри, успокой ребёнка!» – крикнул отец из соседней комнаты.

Мать обняла сына, и от её поцелуев боль как рукой сняло.

Джо вспоминал, как молодая женщина, упав на колени перед иконой темноглазой Богородицы, самозабвенно и страстно молилась. Тогда он был уверен, что она молится именно за него. Мама была красива. Джо помнил её прозрачно-голубые глаза, блаженную, нежную улыбку...

За окном сверкнула молния и на миг осветила самые отдалённые уголки дома. Протяжным зловещим воем своё присутствие выдали волки. Они были почти рядом, по ту сторону стены... Ветер свирепствовал, от поднявшегося вихря дом сотрясался. Казалось, стены и потолок одиноко стоящего в лесу домика вот-вот утонут, и небо опустится на его кровать. Конечно, это был бред температурающего ребёнка, всего лишь нереальная реальность... Но, когда мать подошла к изголовью мальчика, ливень и буря отступили – перед силой молитвы они оказались бессильны. Страхи Джо рассеялись.

Мать ласково поглаживала его ручонку.

Стихия наконец-то предпочла безмятежность. Ночной небосклон, вся вселенная, природа вернулись на круги своя, подчинившись воле Творца. На лицо матери упала тень вечности.

В детские и юношеские годы лик Богородицы с чёрными глазами имел особую значимость для Джо. Его кровать стояла прямо перед иконой, висевшей на противоположной стене, и он постоянно находился под неусыпным взором матери Христа. Впоследствии, когда мамы уже не было в живых, Джо всё равно ощущал её присутствие рядом. Иногда лицо на иконе вдруг начинало преображаться, принимая черты матери. Лица обеих женщин, чёрные и голубые глаза как бы сливались в одно, воедино, и казалось, что они поразительно похожи: те же глаза, тот же взгляд, в котором застыл вселенский шёпот. Они обе взирали с небес, оберегая жизнь неискушённого юноши. Джо засыпал под взглядом Богородицы и просыпался, встречая заботливый взгляд матери.

Не только новички, но и бывалые охотники старались хотя бы раз выйти на охоту именно с Джо – тот слыл знатоком охотничьего дела. Многие с почтением отзывались о нём, хотя некоторые называли Бартона старым чурбаном, неотёсанным дикарём со старомодными замашками. Но даже у них Бартон пользовался непререкаемым авторитетом. В отличие от других охотников, Джо обладал удивительным чутьём на добычу. Он наблюдал за дикими животными, когда те сво-

бодно передвигались в лесу, чтобы понять их сущность и повадки. А иногда он ещё ощущал их присутствие в своём лице. Пума, умывающаяся по-кошачьи, сокол, взмахивающий мощными крыльями, койот, играющий со своими детёнышами, медведь, ворующий мёд из дупла... Невероятно, но время от времени Джо видел их у себя в доме...

Джо рассказывал истории о лесных диковинках. В них были и индейские легенды, и сказки о сверхъестественном, которые слагала бабушка в старые добрые времена, а для пущей достоверности и убедительности он сдабривал их реальными событиями. У него был свой, самобытный мир, скрытый от чужих глаз.

Благодаря охоте брак Джо с первой женой просуществовал целых четыре года. Охота для него была отдушиной, поводом уйти из дома, единственной возможностью побыть наедине с собой. Он дорожил днями, проведёнными вне дома, поскольку в это время жена не могла его контролировать. До женитьбы Джо думал, что надёжная и трудолюбивая Митра наладит быт и внесёт его жизни устойчивости. Он нуждался в семейном тепле и уюте. Митру Бартон привлёк своей мужественной красотой и умение изобразить романтическую утончённость – теми качествами, которые смягчали его грубый нрав.

За исключением счастливого медового месяца, вся их совместная жизнь сопровождалась бурными скандалами. Джо отдавал Митре весь свой заработок, предоставив ей полное

право тратить деньги по своему усмотрению. Жена распорядилась семейным бюджетом, трясясь над каждым центом.

Предметом ссоры между супругами становились бытовые мелочи. К примеру, Джо мог бы довольствоваться одной бутылкой пива – вторая была лишней... Джо не туда поставил стакан... Джо оставил открытым окно, в которое залетели мухи и комары... Джо во время обеда пользовался двумя тарелками... Жена, подобно бдительному полицейскому, следила за каждым шагом мужа. Положительные качества Митры, подмеченные Джо до женитьбы, сейчас действовали ему на нервы, поскольку тесно сочетались с отрицательными чертами характера. Сущность жены предстала перед ним в совершенно ином свете: Митра оказалась чёрствой, расчётливой и властной женщиной – одним словом, сущим семейным тираном. Она в свою очередь считала мужа тупоголовым дикарём. Митра неустанно твердила, что охота – затратное, не оправдывающее себя занятие. Джо возражал, приводя множество доводов.

Так, чтобы получить разрешение на охоту, нужно было уплатить разовый налог, незначительную, в общем-то сумму. Через несколько дней жена представила мужу подробные расчёты. Митра посчитала часы, потраченные на охоту в течение года, перевела их в месяцы, а общее число месяцев помножила на размер оклада, выплачиваемого мужу на работе. Получилась кругленькая сумма, на которую можно было купить дом в приличном районе города. Конечно, в этом была

доля истины. Однако Джо больше не интересовали «истины» Митры, его совершенно не волновала перспектива приобретения собственного дома, и тем более – совместного с Митрой «семейного счастья» в этом доме. Но жена была непреклонна: муж должен бросить охоту и искать вторую работу – «Или я, или охота!». Джо выбрал второе.

Тем не менее Джо Бартон, к удивлению многих знакомых и глубокому сожалению друзей-охотников, бросил охоту. Но это произошло позже. Он отказался от любимого занятия тогда, когда в город Калиенте, что недалеко от Лас-Вегаса, прибыла семья армянских эмигрантов.

Армянская семья арендовала маленькую каморку на окраине города. Мать, которую звали Нубар, и её семнадцатилетний сын Арутюн работали на ближайшей автозаправочной станции. Здесь уже несколько месяцев обсуждали развод супругов – Нубар и Каро. Сотрудники искренне симпатизировали Нубар и ценили её, в то время как у Каро была подмоченная репутация: он вёл аморальный образ жизни, изменял жене, а сейчас связался с ночной кассиршей – Синди, работающей на той же станции.

Нубар была «зеркалом» ереванской жизни Каро. В период их брака он постоянно терпел неудачи, но вину сваливал на других, и особенно на Нубар. В жизни много таких примеров, когда никчёмные мужчины отвергают тех женщин, которые для них – поддержка и опора. Нубар для Каро стала напоминанием о прошлой – ереванской – жизни, бременем

прошлых дней, от которого он хотел избавиться как можно скорее. Зачастую под маской «крутого» мужчины этот слабак прятал собственную ущербность. Ему казалось, что в семье сильным считается тот, кто поднимает руку на женщину. Какое заблуждение! Подобное мышление присуще малодушным, слабовольным ничтожествам. Время от времени на нежной белой коже Нубар появлялись синяки, и её глаза, готовые расплакаться, излучали печаль. Они жили в одном из окраинных кварталов Еревана в тяжёлых бытовых условиях. Жили впроголодь, едва сводили концы с концами. Однако на фоне деловых и эмансипированных женщин Нубар разительно выделялась своей женственностью и обаянием. Ей завидовали? Возможно. Впрочем, о её невероятной привлекательности ходили слухи, но она об этом не знала. Были, конечно, и такие, кто не замечал её достоинств, и в списке этих людей лидировал Каро. Он и не мог заметить, потому что видел её в серой, жалкой ереванской действительности, где на первом месте были житейские хлопоты, где женщина выматывалась до предела, изнурённая нудными домашними обязанностями, требующими ежедневного монотонного труда. Она целый день крутилась как белка в колесе, но не в силах была решить проблемы, которые связывали её унылый быт с реальной жизнью.

Фортуна улыбнулась Каро в Америке – в виде white card. А это означало, что через несколько лет он получит green card. Каро устроился водителем в транспортную компанию,

занимающуюся грузоперевозками по маршруту Лас-Вегас – Лос-Анджелес. А когда у него появились деньги, ему захотелось вкусить счастье свободной и вольготной жизни в стране безграничных возможностей: он стал искать новые, неизведанные ощущения, оттенки и переживания, которые никогда прежде не испытывал.

Белокурая Синди, ночная кассирша на бензоколонке, вскружила ему голову. Веснушчатая, длинноногая, легкомысленная, но при этом расчётливая девушка сориентировалась мгновенно. Поймав на себе похотливые взгляды Каро, она сразу смекнула, что этот тип падок на женские ласки и ненасытен. В крупной транспортной компании было много водителей, но – о чудо! – чистокровная американка предпочла именно его – армянина-эмигранта. Каро был польщён, он не верил в свою удачу.

«Она поняла, что я настоящий мужчина, – думал Каро, – заметила мою силу, мои достоинства. Но... А что тут удивляться – так и должно было быть».

Когда мексиканец Хуан намекнул ему, что Синди переспала со многими водителями, Каро, естественно, не поверил: приписал это зависти. Перебранка между ними закончилась бы мордобоем, если бы не подоспевшие вовремя водители.

– Это клевета! – потрясая кулаками, кричал Каро. – Хочешь опорочить беззащитную девушку, или за дурака меня держишь?!

Каро тратил на Синди последние деньги. Они часто посещали рестораны Лас-Вегаса, ночевали в дорогих отелях, а денег никогда не хватало.

Пожалуй, жизнь Каро обрела смысл, и смысл этот заключался в Синди. То, что он делал для неё, не делал никогда – ни для родителей, ни для ребёнка, и уж тем более – для жены.

Тем не менее человек по природе эгоистичен: он любит другого человека тогда, когда ради него способен на благие поступки, и ненавидит, когда сам же поступает с ним подло. На каком уровне подсознания это происходит – трудно сказать. Во всяком случае он не принимает, а может, пелена на глазах не позволяет ему видеть, что в круговороте судьбы добро и зло вращаются только вокруг ошибочной оси его собственного «я».

...Каро с трудом терпел присутствие жены рядом. Он не замечал её пропорциональную фигуру и пленительные формы, детскую улыбку и безграничную снисходительность, которую она проявляла в любых ситуациях. Нубар была очень доверчива и наивно верила, что супруги всегда могут начать с чистого листа и заново познать семейное счастье, осуществляя взаимные ожидания. Семнадцатилетний сын Каро, Арутюн, по ночам работал уборщиком на той же бензоколонке. Убирался не только в помещении, но и в туалетах. До парня дошли слухи о любовных похождениях отца. Большинство парней его возраста уже осознают себя взрослыми,

и вовсе не удивительно, что Арутюн решил по-мужски поговорить с отцом – с целью отвадить его от Синди. Отец, однако, попытался открыть глаза неопытному юнцу.

– Посмотри на свою мать, – кричал он, – а потом на Синди... Настоящая красавица, молодая, на неё многие заглядываются, она же любит только меня. А я настоящий мужчина, не мог устоять. Скажи мне честно, молокосос, ты бы тоже не прочь был лечь с ней в постель, а?

Они впервые так сильно повздорили, и в пылу спора до Арутюна вдруг дошёл смысл последних слов. Он схватил отца за руку:

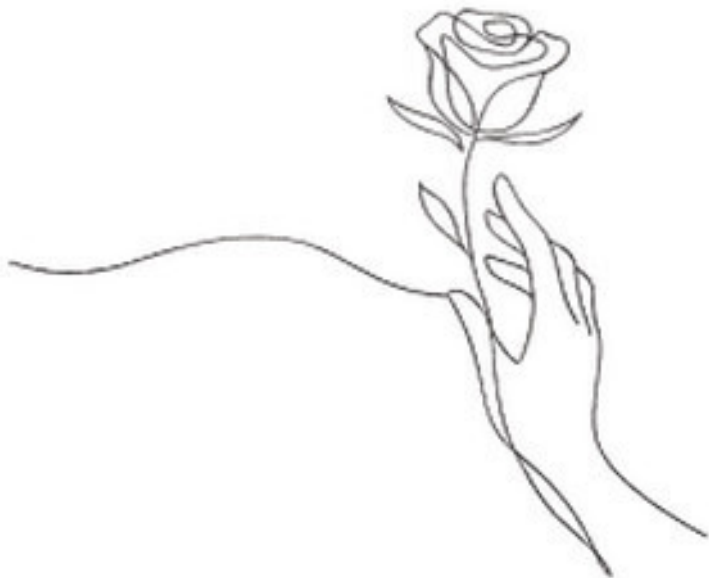
– Постой-ка, отец, так ты думаешь, что я могу положить глаз на женщину своего отца? Могу сожительствовать с женщиной своего отца? Ты что, считаешь меня подонком?

Бледное лицо юноши побагровело, кровь в венах забурилась. Он ни разу ещё не сталкивался с негодяем, поселившимся внутри отца, и сейчас жалел и боготворил мать, охваченный безудержным желанием защитить её. Но Каро даже не смотрел на сына. Разинув рот, он телячьим взглядом уставился на Синди, которая, догадавшись о предмете спора между отцом и сыном, неторопливой походкой, плавно покачивая бёдрами, приближалась к ним...

«Влюблённая» парочка села в машину и отправилась в Вегас. Сегодня юноша впервые столкнулся с тем, что превращает человека в жалкое зрелище. Арутюн стоял с растерянным видом и понурым взглядом провожал удаляющийся ав-

томобиль.

Мать подошла к сыну и нежно обняла его за плечи. Нубар должна была заступить на смену. День начинался с привычной беготни, с нервных передвижений под «американский ритм», обязывающий не выбиваться из колеи... Арутюн поспешил в школу...

Альберт Кайков

Литературным творчеством увлёкся в зрелом возрасте. Опубликовал пять стихотворных сборников и двадцать две

книги прозы: «Потерянное детство», «Встреча через полвека», «На заполярной широте», «Под северным небом», «В Туруханской тайге», «Чёрная пурга», «Наши студенты в Америке», «Семья фронтовика» и другие. Публиковался в журналах: «Сибирский Парнас», «Российский колокол», «СовременникЪ», «Охотничьи просторы», «В мире животных», «Охота и охотничье хозяйство», «Юный натуралист» и других.

Традиции хантов

(Глава из повести «В угодьях хантов»)

Костя родился в небольшом селении Катыльга. Серые дома кучкой стояли на высоком яру. Их окна угрюмо смотрели с высоты на широкую реку. С другой стороны к посёлку глухой стеной подступала тайга. Название посёлка сохранилось с давних времён. В чумах уже никто не жил. С появлением русских в этих краях ханты стали строить избы. Чумы сохранились на промысловых участках, в чумах жили при летней кочёвке оленей. Все жители имели оленей. В общем стаде паслись олени каждой семьи, а в каждой семье все члены имели своих оленей. Зимой занимались охотой и рыболовством. В реке в изобилии водилась разнообразная рыба, в тайге обитали разные звери и птицы.

С раннего детства Костя занимался охотой. Он вспомнил первого добытого глухаря. Птица была настолько тяжёлой, что он не мог её поднять. Пришлось тащить домой волоком. Под ногами рос белый мох, в котором ноги утопали выше щиколотки. Этот мох, называемый ягелем, был основным кормом оленей. Глухарь цеплялся за мох и ветки. Приходилось иногда брать его за шею двумя руками и выдёргивать из зацепа.

Затем память перенесла его в юношеские годы.

Любимым местом юноши был кедровый остров среди бо-

лот. В бору водились лоси, олени, белки, соболь и другие звери. Брусничник коврами стелился среди могучих кедров и сосен. Кочки вокруг острова красными шапками засыпала клюква.

Женщины посёлка не ходили за ягодами сюда. Им незачем было переходить болото – ягод было достаточно вблизи посёлка. А для Кости перейти болото большого труда не составляло. Он приходил на остров не только для того, чтобы набрать ягод, но и для того, чтобы полюбоваться красотой нетронутого уголка природы. В тот день он пришёл набрать брусники. Прежде чем приступить к сбору ягод, пошёл вглубь бора, подав собаке команду: «Искать». Ему хотелось проверить, есть ли прирост численности белок и соболей в текущем году. Вскоре на противоположной стороне острова послышался лай Хадара. Лай был необычным. Костя хорошо знал, каким голосом кобель облаивал крупного зверя, белок и соболя. Он поспешил на голос своего питомца.

Перед ним предстала картина: на поляне среди красного ковра брусники стояла невысокая девушка. Она держала двумя руками берестяной туесок, защищаясь им от собаки. Костя закричал на Хадара, который послушно отошёл от девушки и стал рядом с хозяином. Незнакомка закрыла лицо концом платка, которым была покрыта голова и обмотана шея. Через узкие щели век на Костю смотрели карие испуганные и удивлённые глаза. На ней был суконный халат, расшитый цветными кусочками материи и бисером. Стройность

девичьей фигуре придавал нарядный пояс, украшенный бисером и оловянными бляшками. На ногах обувь из камуса оленьих ног шерстью внутрь доходила до середины голени. К верхнему краю пришиты суконные голяшки, украшенные узорами из бисера. Они тянулись до колен. Таковую обувь ханты называли – нюр.

– Не бойся меня, – произнёс Костя, – я не причиню тебе ничего плохого.

– Я испугалась собаки, она, как волк, набросилась на меня.

– Где ты живёшь? Мне не приходилось видеть тебя в наших краях.

– Наш род кочует с берегов Лисицы, остановились недалеко, на берегу озера.

– Где такая река?

– На правом берегу Оби.

– Как реку переплыли?

– Перешли весной по льду.

– Долго будете стоять?

– Не знаю. Шаман скажет, когда начинать кочевать.

Костя не мог придумать, что ещё спросить у девушки, какой задать вопрос. Он уже оценил её мастерство по украшению одежды и обуви. Неожиданно для себя произнёс:

– Приходи завтра сюда собирать ягоды, ждть буду.

Незнакомка с интересом рассматривала собеседника. Он был невысокого роста, как и её соплеменники. Симпатичное

лицо залил румянец, глаза внимательно рассматривали её.

– Не знаю, может быть, приду, – после паузы ответила она.

Целый день Костя находился под впечатлением встречи. Он постоянно вспоминал образ незнакомки, мельком виденное лицо. Он упрекал себя за то, что не спросил её имя. Ночью несколько раз просыпался и думал о ней. Утром после завтрака взял походный мешок, бросил в него туесок, котелок и две берестяные кружки, повесил на плечо ружьё и направился к выходу.

– Зачем ружьё взял? – спросила мать. – Мяса в доме много, мешать будет ягоду брать.

– На обед рябчиков добуду.

– Зачем далеко ходить, ягод рядом много.

Костя промолчал. Неведомые ему чувства тянули его на свидание. Он никогда ещё не испытывал такого душевного подъёма и радости от предстоящей встречи. Его беспокоило только сомнение: «Придёт или не придёт».

По дороге добыл пять рябчиков. На брусничной поляне незнакомки не было. Он выбрал в стороне место для костра, очистил площадку от хвои и веток, чтобы не случился пожар. Затем вырвал с корнями пучок брусничника с ягодами, взял котелок и отправился к воде. Зачерпнул котелком воду, смыв с корней брусничника землю и мох, положил пучок в котелок. На выбранном для костра месте разжёг небольшой костерок и повесил над ним котелок. Снял с рябчиков кожу вместе с пером, насадил их на прутья и воткнул в землю

около огня. Незнакомка не появлялась. У Кости испортилось настроение. «Придётся рябчиков есть мне и Хадару», – подумал он.

Незнакомка появилась неожиданно, не с той стороны, с которой её ожидал Костя. Он вскочил от костра, около которого сидел на корточках, и направился навстречу. Его лицо сияло радостью. Она шла с открытым лицом и улыбалась. Остановившись около неё, Костя произнёс:

– Вуща вула, – что означало «Здравствуй, живи».

Лицо девушки засияло радостью, ей было приятно слышать приветствие на хантыйском языке. В быт хантов давно вошёл русский язык. Их детей отправляли в интернаты для обучения. Учёба проводилась на русском языке, они постепенно забывали родной язык и традиции предков. В ответ прозвучало на русском языке:

– Здравствуй!

– Я ждал тебя с другой стороны.

– Запах дыма привёл меня к твоему костру.

Костя дотронулся руками до её одежды и пригласил к костру. Ему хотелось обнять и прикоснуться щекой к её щеке, но этикет не позволял фамильярности с незнакомыми людьми.

– Как тебя звать? – спросил Костя.

– Анга. А тебя?

– Меня зовут Костей, давай присядем к костру.

Они опустились на приготовленную Костей хвойную под-

стилку. У костра было жарко и не было гнуса. Анга откинула с головы платок с широкой бахромой. Костя увидел густые чёрные волосы и две косы, спускающиеся с головы. Вплетённые в косы красные тряпочки привлекли к себе внимание. Заканчивались косы бантиками и привязанными грузиками. Шею украшали бусы.

Костя выдернул из земли прутик с рябчиком и протянул Анге. Она без лишних слов приняла его. Затем извлекла из-за пазухи лепёшку, разломилась пополам и одну половину подала Косте. Его сердце затрепетало. По обычаю предков она дала понять, что готова с ним всё делить поровну. Костя разрезал одного рябчика охотничьим ножом и положил остывать на мох. Хадар сидел рядом и ждал своей порции.

Рябчиков ели молча, поглядывая друг на друга, и улыбались. Костя собрал остатки рябчиков и отдал Хадару, который завил хвостом в знак благодарности.

Покончив с дичью, Костя налил в кружки чай. Корни брусничника придали ему тёмно-красный цвет, а ягоды кисловатый привкус.

Молодые люди пили ароматный чай и внимательно рассматривали друг друга.

– Из какого племени ваш род? – поинтересовался Костя.

– Из племени Лисицы.

– Где живёт ваше племя?

– Наше племя жило по берегам реки Лисицы. Мой род жил в селении Лисица.

– Зачем покинули родовые земли?

– В наши уголья пришли люди, стали уничтожать лес.

Зверь ушёл, олени убегали от шума. Люди пошли к русскому начальнику и спросили:

– Зачем нашу жизнь убиваете?

– Какую жизнь – удивился начальник.

– Ты разве совсем глупый, нет леса – нет для ханта жизни.

– Леса много, – сказал начальник, – хватит нам и вам.

Народ пошёл к шаману, просили провести камлание – обряд «Ёл-та-ку», спросить у духов, куда кочевать. Оставаться на обжитых землях стало невозможно. Наш шаман из сильного рода шаманов. Его дед был великим шаманом, способности лечить людей передались внуку. В начале тридцатых годов, после казымского восстания хантов, деда арестовали вместе с другими вождями племён, увезли в Сургут и тайно расстреляли. Наш шаман редко шаманит – только по просьбе людей. Он занимается в основном лечением, но в тот раз согласился провести большое камлание. После завершения обряда он долго лежал на земле. Люди с замиранием сердца ждали, какой совет духи дадут шаману. Выйдя из состояния транса, он поднялся с земли и произнёс: «Надо уходить за солнцем, строго на запад». Вот почему мы оказались здесь, – подвела итог рассказа Анга.

– В Лисице кто-нибудь остался? – спросил Костя.

– Осталось несколько семей, которые занимались ловлей рыбы для лесорубов. Среди них мой дядя Синарбин.

Собеседники не заметили, как солнце стало клониться к закату. Анга поднялась и произнесла:

– Мне давно пора в стойбище.

– Завтра встретимся? – спросил Костя.

– Встретимся.

– На ям вула, – попрощался Костя, что означало «Опять живи хорошо».

– До свидания, – ответила Анга и поспешила в стойбище.

Она несколько лет жила и училась в интернате. Русским языком овладела хорошо. Костя не учился, и ему русский язык давался с трудом. В его речи всегда перемешивались русские и хантыйские слова.

В нижнем течении Оби ханты когда-то были самым многочисленным народом. Их не смог покорить Кучум. Они дали ему достойный отпор. Когда пришёл Ермак, у них хватило мудрости заключить с ним союз, чтобы не воевать на два фронта. В семнадцатом веке приняли христианство, сохранив свои обычаи. В начале тридцатых годов (1931–1934) ханты вели вооружённое сопротивление политике советской власти по ликвидации традиционного экономического и социального уклада их жизни. Одной из причин восстания был принудительный сбор детей для обучения в школе-интернате. Для населения, которое вело кочевой образ жизни, такое обучение детей было неприемлемым. Родители понимали, что ребёнок будет оторван, изолирован от семьи. Их страшила мысль, что, выучившись грамоте, дети забудут родной

язык, не вернутся в стойбища.

Молодые люди встречались несколько дней. При встрече Костя обнимал Ангу и целовал в щёку. Хантыйский этикет запрещал говорить напрямую о брачных намерениях. Сидя рядом на хвойной подстилке, Костя обратился к Анге:

– Можно я попрошу отца послать сватов к твоим родителям?

– Конечно можно! – воскликнула Анга. Разве ты не понял, когда я разломила лепёшку пополам?

– Понял, но сомневался.

Костя обнял Ангу и поцеловал в губы. Между ними был заключён союз, скреплённый первым в жизни поцелуем.

Вечером, обращаясь к отцу, Костя сказал:

– Мне пора жениться.

– Ты выбрал невесту из нашего племени? – удивился отец. – Это запрещено законом.

Ханты нуждались в здоровом потомстве. Они всегда выбирали невест из других племён, чтобы не было кровосмешения.

– Она из другого племени, – ответил Костя.

– Из какого?

– Из племени «Лисы».

– Это племя живёт далеко на севере. Когда ты успел там побывать?

– Род Анги стоит за кедровым островом. Отец, пошли сватов.

– Сначала я сам сплаваю к ним. Познакомлюсь с родителями, спрошу их согласие на свадьбу, а уж потом пошлём сватов. Закон и порядок сватовства надо соблюдать.

Душа Кости ликовала. Отец дал согласие на его женитьбу. У хантов вопросы сватовства полностью решали родители. Часто сыну сватали невесту, которую он даже не видел. На следующий день он сообщил Анге радостную весть. Они были счастливы и считали себя уже мужем и женой. Анга не думала о последствиях их отношений. Она полюбила Костю и надеялась провести с ним всю жизнь. У хантов не осуждали девушку, родившую ребёнка до свадьбы от мужчины из другого племени. Они радовались новому члену семьи.

Встречи молодых людей продолжались около месяца. Отец Кости отложил поездку со сватовством до окончания путины.

Перед ледоставом по Катыльге скатывалась рыба в Васюган. Жители посёлка вели активный лов, не отвлекаясь на другие дела. На рыбалке со старшим братом Кости произошла трагедия. Он ставил сеть в устье Катыльги с обласка – долблёнки. Внезапно налетел сильный ветер и перевернул обласок. Оказавшись в тёплой одежде в воде, он не смог выплыть. К тому же почти все ханты не умеют плавать. Долблёнку нашли выброшенной течением на берег, а человек канул в воду. У утонувшего брата осталась жена и двое детей. По истечению дней траура отец сказал Косте:

– Теперь ты обязан содержать семью брата.

– Конечно, я не оставлю их в беде.

– Придётся женить тебя на Авдотке.

– Зачем женить! – воскликнул Костя, – я буду помогать без женитьбы.

– Такой закон, – сказал отец голосом, не требующим возражения.

– Авдотка намного старше меня, я люблю другую девушку, – пытался Костя убедить отца изменить своё решение.

– Закон придумал не я, его надо соблюдать.

Костя готов был зареветь, его душу разрывало горе, рушились планы создать семью с любимой девушкой. Он выскочил из дома и побежал на кедровый остров, хотя о встрече с Ангой не договаривался. Ему хотелось увидеть место их встреч, упасть на хвойную подстилку и предаться своему горю.

У кострища он увидел Ангу. Она сидела с низко опущенной головой. На ней была повседневная одежда. Обычно она наряжалась на свидания с ним. Услышав его шаги, соскочила с места и побежала навстречу, обняла его и заплакала. Вздрагивание её тела передавалось ему и усиливало его душевную боль.

– Анга, что случилось? – спросил Костя, отстраняя её от себя, чтобы посмотреть в глаза.

– Наш род завтра откочёвывает из этих мест, – с горечью в голосе произнесла она.

– Куда?

– Шаман провёл «Ёл-та-ку». Духи сказали: надо кочевать на север.

– У меня новости ещё хуже. Отец женит меня на Авдотке – жене брата.

Слёзы перестали капать из глаз Анги.

– Он обещал прислать сватов. Хант должен держать данное слово.

– Утонул мой брат, у него осталось двое детей.

Анга знала обычаи предков, она не бросила упреков Косте. Произнесла на родном языке: «На ям вула», последний раз посмотрела на любимого человека, медленно повернулась и пошла от него. Он произнёс вдогонку:

– Мы должны ещё встретиться.

– Дорог в тайге много, может быть, наши когда-нибудь пересекутся, – тихо произнесла она, медленно двигаясь между деревьями.

Костя смотрел ей вслед, его душу переполняло горе разлуки. Он понимал, что от него уходит не только девушка, а любовь и мечты на счастливое будущее.

Костя не мог оставаться жить в посёлке. Ему стали ненавистными дома отца и Авдотки. Он уплыл в посёлок Старый Васюган, устроился работать в госпромхозе штатным охотником, заключил договор на добычу пушнины, и его забросили вертолётom на отдалённый промысловый участок.

Наталья Калинина

Родилась и живёт в Вологде.

По образованию экономист. Работала в банковской сфере

с 1996 г. и завершила карьеру в апреле 2024 г.

Автор девяти женских романов и порядка сорока рассказов.

Лонглистер конкурсов «Любовь между строк» (2023), (2025), шортлистер конкурса «КНИГАсветное путешествие» (2023), лонглистер интернет-конкурса VIII литературного форума «Центр Европы» (2024).

Номинант на соискание национальной литературной премии «Писатель года»; победитель премий «Ева», «Наследие литературы XXI века», «Время читать» (2024).

Награждена знаками, орденами и медалями за вклад в развитие литературы.

С февраля 2024 г. член литературного клуба «Творчество и потенциал» издательства «Четыре». С августа 2025 г. член Союза писателей Северной Америки.

Её рассказы публикуются в разных альманахах, сборниках и журналах.

Может, это любовь? (Отрывок из повести)

На своё сорокалетие Михаил пригласил в их новый дом своих друзей, коллег и партнёров по бизнесу. Он сделал это нарочно, отказавшись от ресторана: ему хотелось приблизить девушку к своему кругу, и в то же время он очень боялся, что ей может понравиться кто-то другой. Все его друзья имели вес в обществе, да и внешне он им уступал.

В том, что Таня его не подведёт, он не сомневался; банкет был потрясающим. Столы ломились от угощений. Гости были всем довольны, даже неожиданно проведёнными среди них конкурсами.

Девушка в сверкающем вечернем платье и высоко забранными волосами, открывающими её длинную шею, выглядела просто сногшибательно. Её красота гармонировала с умом. Она отвечала на запальчивые вопросы его друзей и коллег с тонким юмором или мягко переходила на другую тему. По лицам присутствующих Михаил понял, что она произвела среди них фурор.

Таня и сама это заметила, но старалась не выделяться, дабы среди присутствующих дам не нажить врагов. Михаил подметил, что девушка очень гармонично вписалась в его окружение.

Весь вечер он не мог оторвать взгляда от своей возлюб-

ленной. Покачивающиеся золотые серьги в её ушах, эти две завитушки на шее и виске просто сводили его с ума.

Он уже не мог дожидаться, когда весь этот поток гостей иссякнет и он сможет вдоволь насладиться теплом её тела. Он даже начал ревновать её к присутствующим мужчинам: они бесконечно сыпали комплиментами в её адрес и целовали ей руку.

Когда за последней парой закрылась дверь, Михаил, как изголодавшийся волк, набросился на свою добычу. Он зацеловал девушку до засосов.

– Миш, ты перебрал? – Таня была удивлена его поведением. Обычно он знал меру спиртному.

– Нет, я стёкл как трезвышко, – он широко улыбнулся. – Просто я уже начал ревновать тебя ко всем мужчинам, – признался он.

Таня ласково провела рукой по его лицу, убрав упавшие вихры с его лба.

– Глупый, мне никто кроме тебя не нужен. Ты же знаешь. – Она прижалась к нему.

– Знаю, и поэтому хочу, чтобы ты была моей женой.

– Миша, какая тебе разница – есть в паспорте штамп или нет? – взбрыкнула девушка в его объятиях, но он ещё крепче прижал её к себе. – Ты мне дорог.

– Таня, мне нужна жена! Официальная! – Последнее слово он произнёс по слогам, чтобы до девушки дошёл смысл. Таня мягко и очень нежно поцеловала его в губы.

– Поговорим об этом позже, а то ты сожжёшь моё платье своим взглядом.

Михаил одним рывком оторвал её от пола и унёс в спальню.

После полученного им очередного отказа Михаил обратился за помощью к Татьяниним родителям. Он позвонил им и договорился о встрече.

– Надежда Сергеевна, вы меня поймите. Я её очень люблю. Поговорите с Таней. Я ведь не мальчик, понимаю, что она ещё молода и, возможно, ждёт своего принца. Знаю, что она меня не любит, как мне того хотелось бы. Но я не могу заставить её силой выйти за меня замуж. Сначала у неё были отговорки, что она плохая хозяйка, а сейчас её и так всё устраивает... Я не понимаю, что не так, – развёл он руками.

Надежда Сергеевна, сидевшая напротив гостя, промокнула кончиком платочка слезу.

– Мишенька, миленький. Дело, скорее всего, не в тебе. А в этом Павлике, будь он неладен! – Женщина снова вздохнула. – Ей было восемнадцать, когда она с ним познакомилась на дискотеке. У них была безумная любовь. Во всяком случае, Танюшка любила его до потери памяти. Они встречались долго, около года. Всё дело шло к свадьбе. Копили деньги, мы им квартиру купили, уже и платье было сшито. За день до свадьбы этот Павлик исчез вместе с её деньгами. О господи, как она убивалась по нему! – Надежда Сергеевна всплакнула. – С того времени она перестала ходить на вся-

кие мероприятия, да и вообще выходить на улицу. Всё ждала его, сидела у окна и смотрела стеклянными глазами в пустоту. Надеялась, что он вернётся. Наверное, и сейчас всё ещё ждёт.

Михаил сжал всю волю в кулак, чтобы не дать выйти ревности:

«Чёрт побери, почему она от меня всё это скрывает?!»

– А фотография этого Павлика у вас есть?

– Да, по-моему, одну я тут недавно видела.

Надежда Сергеевна суетливо стала перебирать фотографии, разбросанные по фотоальбомам. Вскоре свирепые глаза Михаила разглядывали фото соперника.

На следующий же день Михаил нанял детектива. Спустя три с половиной недели на его столе лежал готовый отчёт и видеоплётка: Павлик оказался брачным аферистом со стажем.

– Сделайте так, чтобы его засадили, и надолго, а информация об этом прошла в средствах массовой информации, – приказал он в трубку телефона и швырнул её на место.

«Так будет лучше, – посчитал он. – Зло должно быть наказано!»

Михаил уже час не мог дозвониться Татьяне на сотовый телефон и начал беспокоиться, потом уже беситься. Ревность грызла его изнутри. Он обещал себе, что не позволит чувствам преобладать над разумом, но...

Приехав домой и обойдя квартиру, мужчина понял, что Таня домой не заходила. Телефон её родителей тоже не отвечал. От неизвестности, а ещё больше от бездействия он тихо стал сходить с ума.

В голове крутились слова его матери, что Таня не совсем честна с ним и водит его за нос. Он стал перебирать последние дни, выискивая что-то подозрительное, но так ничего и не нашёл.

Перебрал всех своих друзей, кто бы мог совершить подлость и начать ухаживать за его невестой (так он представил её на своём дне рождения).

Размышления прервал скрежет ключа в замке. Михаил вышел в коридор и замер: он впервые видел заплаканное и потерянное лицо Тани, и внутри у него всё оборвалось.

– Что случилось? Где ты была?

Вместо ответа Таня, даже не сняв верхнюю одежду и обувь, бросилась в объятия мужчины, как будто ища защиты. Михаил подумал о том, что на неё напали и попытались надругаться или ударили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.